

Наталья Караева

Цепь событий

Повесть «Цепь событий» - это история созидания собственной жизни девочки-подростка. Тема личного выбора и личных ценностей. Проверка любовью и дружбой.

Автор: Караева Наталья Владимировна

Время действия: настоящее время.

Место действия: детский дом в небольшом российском городе.

Жанр – повесть; детская и подростковая литература, объем – 3,2 а.л.

Целевая аудитория: подростки 14-18 лет.

Повествование: от первого лица.

Основная идея: человек может сам строить свою жизнь, и не всё золото, что блестит.

Краткое содержание:

Пятнадцатилетняя Маша Гринёва после гибели отца остаётся одна. Единственная родственница – сестра матери – ещё в молодости влюбилась в цыгана и сбежала с ним. В Машином доме поселяются брат мачехи и её дочь. В жизни Маши, и прежде непростой, но стабильной, появляются детский дом в провинциальном городе, новая школа, чужие люди.

Жизнь подбрасывает сложные ситуации, но, несмотря ни на что, Маша ведёт себя достойно, поэтому рядом с ней оказывается больше хороших людей: две подружки-одноклассницы, ребята из её семьи №8 и другие.

Всегда приходят на помощь детдомовец - старшак Пашка и его друг. Маша ценит и надёжность, и смелость, и ум Пашки; она осознаёт, насколько этот человек ей родной. Но однажды во дворе школы Маша видит парня своей мечты. ..

Об авторе

Караева Наталья Владимировна – 57 лет. Родилась и окончила школу в России, с нею связаны лучшие воспоминания. Но уже много-много лет живёт в Казахстане. Педагог.

Адрес: Казахстан, 14 0001 г. Павлодар, ул. Естая 89, кв. 256.
Тел.: 8 (718 2) 50 88 99;

E-mail: shmygol-nv@mail.ru

Наталья Караева

Цепь событий

Прошное лето похерило всю мою жизнь.

Меня зовут Маша Гринёва. Во! в классе поприкалывались (поржали), когда мы проходили (изучали) «Капитанскую дочку» Пушкина.

Девушка я стройная, небольшого роста, в художественной литературе о таких говорят – хрупкая. Брюнетка. На лице выделяются пухлые губы кораллового цвета. Это оттого, что Нинка, моя нынешняя подруга, задарила мне коралловый блеск для губ. В людях больше всего не люблю ложь и лицемерие. Хоть сама и не прочь соврать, так, по-мелкому. Пытаюсь держать себя невозмутимо и холодно.

Кстати, о мелкости и хрупкости. До прошлого лета у меня было прозвище Дочура – выгляжу я моложе своих лет. И если в тридцать пять это плюс, то в пятнадцать – ещё какой минус. На тусовках незнакомые люди воспринимали меня чьей-то сестрёнкой, которую не с кем оставить дома.

Прошлым летом мне исполнилось пятнадцать.

Когда машину занесло, я лежала на заднем сиденье. Ступни, высунутые в окно, обдувал слабый ветерок. Было плюс 34 по С.

«Куда это нас тащит?» - моя последняя мысль из прежней жизни. А перед ней были страдания по поводу облупленного носа и обгоревших плеч. И ещё - помню, возле меня остановились чьи-то ноги, и кто-то сказал: «Живая». Затем темнота. И я до тошноты долго летела вниз. А до этого меня подняло вверх и отбросило.

Когда темнота посерела, я уже никуда не летела. Рядом глухие голоса. Передо мной - светлое пятно. Оно постепенно приобретало очертания. У него появилось лицо в очках. Лицо сказало: «Давай, давай, моя хорошая».

Выплыли белые стены, женщина в белом...

Я не была на похоронах. К тому времени меня уже перевели в общую палату из реанимации, но врачи решили, что мне рано присутствовать на таких мероприятиях. Да и я не готова была видеть папу мёртвым.

Приходили какие-то люди. Все они много говорили. О чём – не помню. Ниоткуда появился единственный брат мачехи. Я знаю с детства, что единственная мамина сестра убежала с табором: влюбилась в цыгана. Когда-то это казалось романтичным, но позже я поняла, что у неё не совсем в порядке с головой. «Мозги, на выход!» - говорил в таких случаях отец.

Папа был умным. И ещё честным и справедливым. На сорокалетию во всех тостах его коллег звучало: «Павел Игоревич - принципиальный человек». Видать, достал он их своей принципиальностью. А людям ведь не всегда хочется вселенской справедливости. Иногда им просто не хватает обыкновенного человеческого сочувствия. Интересно, а жалость и доброта - синонимы?

Меня с детства некому было пожалеть. Ньюшины «бедная деточка» не считается, поэтому я привыкла реветь в одиночестве.

Вот я и редела, закрывшись в комнате, а рядом жизнь моя катилась колесом. Толкал его мачехин брат. Это он бегал с какими-то бумагами, сладко улыбался и перевозил свои вещи в наш дом.

Наш дом отец любил. Он построил его уже без мамы. Перебрались мы в него втроём: я, папа и Ньюша. Ньюша мягкая, белолицая, с ямочками на щеках. Она пекла блины, стряпала булочки. После новоселья в доме появилась сухая, с коровьими глазами мачеха и её

некрасивая дочь Наташа. А Нюша из дома исчезла навсегда. Мачеха пришла к нам из какой-то другой жизни, и все эти годы пыталась втиснуться в нашу.

Папа много ездил. В такие дни мачеху от свободы пёрло во все стороны. Иногда она даже исчезала на пару дней. Хуже, когда начинала пить дома. Сам на сам, понимая, что никаких её компаний отец у себя не потерпит.

Мачехе удивительным образом удавалось не лезть в мою жизнь, но она разрушила наш дом. Ревновала, устраивала шумные разборки, но никогда не хлопала дверью. Думаю, попросту боялась: а вдруг дверь этого дома не откроется для неё со стороны улицы.

Всё это проделывалось с единственным стремлением – обрести ощущение присутствия в желанной для неё жизни (нашей жизни). Жизнь была денежной, с поездками на хорошие курорты, с ужинами в дорогих ресторанах, дизайнерскими вещами.

Думаю, мачеха, как зверь, предчувствовала неотвратимость потери всего, но представляла её в виде другой развязки. Я знала о шкатулке, которую она пополняла дорогими украшениями с постоянством маньяка. На чёрный день. Но такой день не настал.

Папа делал вид, что прощает ей безобразные сцены, тогда как этими бурными проявлениями чувств он дорожил. Отец во всём этом скрывался от одиночества. К счастью, мачеха была настолько дура, что не разгадала его. Я знала, вернее, чувствовала, что отец хочет быть с этой женщиной, поэтому никогда, даже в самой сильной обиде, не сказала ему ничего плохого об этой курице. Так что не таким уж и призрачным было её благополучие. Всё длилось долгие годы, но, ни у кого из них не достало ума или просто желания что-либо изменить в данном сценарии.

Вот в таком доме я выросла. Он сделал меня какой-то неполноценной, ненастоящей.

Детский дом, куда меня определили, находился в небольшом городе-спутнике. Мне нравятся такие города. Они не дают своим шумом, они уютные и неторопливые.

Над названием этого дома никто не заморачивался, он назывался просто - «Надежда».

Хм, Надежда. В смысле – это последняя, для таких как мы, надежда или «оставь надежду, всяк сюда входящий»?

Какое-то неприятное чувство охватило меня, когда мы с социальным педагогом отдела образования (никто не сказал, как её зовут) поднялись по высоким ступеням и открыли дверь. Может предостережение.

В фойе детского дома поразил внешностью уголовника охранник в форме.

- Это что тюрьма? – указала я на него.

- Это детское учреждение.

Я продолжала не понимать.

- Детей у нас принято охранять.

«Повезло детям», - подумала я молча.

Зашли в кабинет директора, об этом написано на табличке над дверью. Директор Зоя Викторовна, с ледяной улыбкой на застывшем лице, смотрела только на тётку-представителя отдела образования.

«Вот, Маша, теперь это твой дом, а Зоя Викторовна тебе и мама, и папа», - говорит тётка-представитель. Это последнее, что она мне сказала.

Директриса видит меня шесть секунд, но я ей уже так надоела. Выходим из кабинета. К нам подходит полная женщина в белом халате со сладкой улыбкой на лице, суетливо здоровается с социальным педагогом (тёткой из отдела образования), та рассеянно ей кивает. Они с директрисой заняты каким-то разговором.

Полная женщина взяла меня за руку и повела. Шла за ней будто во сне. Ни директриса, ни социальный педагог не обратили внимания на мой уход.

Комната гигиены – следующая комната, в которую я вошла.

Здесь меня одели в какое-то мешковатое платье и протянули комнатные тапочки. Тётка вышла.

Помню, сижу на кушетке в полупустой комнате с покрашенными панелями. Сдерживаю слёзы. Прислушиваюсь. За дверью капает вода: кап-кап. Где-то подальше - детские голоса. Время от времени по коридору кто-то пробегает: слышен быстрый топот.

Приходит другая женщина. «Меня зовут Анна Ивановна», - говорит она. Анна Ивановна рассматривает меня. Я какое-то время смотрю ей в лицо, но потом опускаю глаза. Возвращается первая женщина.

Анна Ивановна вздыхает: «Ну, пошли».

Иду, теперь уж следом за ней. Полная женщина молча начинает подтирать пол возле кушетки, на которой только что сидела я.

Анна Ивановна привела меня к двери, на ней табличка «Семья № 8», напротив – «Семья №7», открыла дверь, и мы вошли в комнату семьи № 8.

При виде этой комнаты мне захотелось завывать в голос.

Уютно и светло. Кровати, мягкая мебель, две книжные полки над столом. В комнате дети разного возраста – это моя семья №8. Все тихо занимались какими-то делами.

«А ну, тише! – закричала Анна Ивановна. - Я привела новую девочку. Её зовут Маша. Она будет учиться в десятом классе, - и, подтолкнув меня в спину, - Проходи, у нас за постой не платят».

Прошла к окну. Все с интересом принялись рассматривать меня. Анна Ивановна обратилась к худенькой, с какими-то общипанными волосами, девочке. Та мазала зелёной плечи и руки стоящего перед ней, по девчоночьи красивого, мальчика лет десяти.

«Ира, объясни Маше все наши правила», - сказала Анна Ивановна и тут же вышла. В дверь заглянул подросток лет четырнадцати и в упор уставился на меня. А я, как дурак, стояла там же, у окна.

- Нормальная тёлка, - сказал он, - пацанам понравится. Как ты думаешь, Ирка, кто её забьёт? Может даже, Питерский? А чё? Она клёвая, а Питерский свою баруху кинул.

Ирка недовольно фыркнула. Забрала истрёпанный журнал у сидящей за столом полноватой веснушчатой девочки младше себя. Та делала вид, что рассматривает затёртые картинки.

- Валюха, объясни этой дылде, чё нельзя у нас делать, - сказала Ирка ей.

- А чё она маленькая – сама не знает?

- Ты же слыхала: Липучка приказала.

- А воспы собралися в пятой и чай пьют, - вклинился в разговор, потерявший ко мне всякий интерес, пацан. - Вчера им Тихоход сумку здоровенную припёрла: у неё внук родился, так сегодня дожирают.

Подросток щёлкнул по затылку мальчика в зелёнке, тот скривился от боли.

- Тебя кто звал? Вали отсюда, - Ирка толкнула пацана в спину.

Тот вразвалочку, не спеша, направился к двери, на ходу дёрнул за волосы тихо сидящую на кровати девочку. Явно рисовался. Ира недовольно покосилась на меня, по-прежнему неприкаянно стоявшую у окна.

Ко мне подошёл красивый мальчик:

- А у тебя родители есть? Ты из какого дедика к нам?

- Она не из дедика. Она у нас домашняя, - опять фыркнула Ирка.

- Ни чё себе! Чё родители спилился?

- Отстань от неё, Стёпка, - не дала мне ответить Ирка. – Анька, что ты пялишься, как дебилка, - прикрикнула она на молчаливую девочку на кровати.

Я прошла и присела рядом с молчуньей.

- Ты чё тупая? – заорала на меня Ирка. – Небось, дома на кровати не валялась?

- Слушай, ты не пробовала заткнуться, - вполне миролюбиво сказала я.

Странно, но Ирка не вызывала у меня никакой неприязни. Пожалуй, с такой девчонкой я бы дружила.

- Отстань от неё, Ира, - сказал мальчик, и Ирка замолчала.

Вот так мы и познакомились. Мальчик - Стёпка. Веснушчатая пухляшка - Валя, девочку-тихоню звали Аня.

Я была не готова к такой жизни. А кто меня спрашивал?

Легла и отвернулась к стене. Нет, дома я не валялась на кровати.

Ира с Аней вышли из комнаты. Немного покрутившись около меня, исчез вслед за ними и Стёпка. Валя присела рядом.

- Вставай, расскажу, как у нас жить. Ну, правила наши. А что у тебя, правда были и папа, и мама?

Я кивнула. Валя вздохнула.

- А у меня был котёнок. Я нашла его в парке. Малюсенький такой, а Конь его выбросил.

- А Конь это кто?

- Да воспит у хабзайцев был.

- А-а-а. А хабзайцы кто?

- Ну, ты воще не врубаешься. Хабзайцы – это старшаки, которые из дедика выпускаются, а Конь у них воспит.

- А ему-то, какое дело до твоего котёнка? - искренне удивилась я.

- Конь - ещё тот козлина.

- А кто не козлина?

- Да Липучка наша ничего, только нудная, как привяжется. Да много ещё кто.

Мы сидели с Валею на диване. Валя рассматривала меня, перебирала и гладила мои пальцы. Мне не очень приятно, но не хотелось обижать эту толстушку, поэтому руки не отняла.

- Какие у тебя ручки гладенькие и лицо нежное, сразу видно - домашняя. Плохо, что ты красивая. - И, оглянувшись на дверь, шепнула: - Ты, главное - Фараону не покажись.

- А кто это? – тоже шёпотом спросила я, но Валя сделала вид, что не услышала.

Вошла Анна Ивановна. Девчонка подскочила с дивана.

- Уже прилипла, - сказала она Вале, а затем и мне: - А ты уши тут не развешивай. Идите на ужин.

Анна Ивановна вышла.

По дороге в столовую осмотрелась. Всё казённое и немножко замызганное. Мешал жуткий запах мочи и пота, к такому можно привыкнуть только с детства.

В столовой за столиками сидели по семьям и торопливо ели.

На меня с интересом то с одного, то с другого поглядывали парни-детдомовцы моего возраста и постарше.

Неожиданно ко мне обратилась Ира:

- А тебе, что масло не положили в кашу?

Голос и лицо выражали сочувствие. «Ирка, по-видимому, уже на автомате заботится обо всех в «своей семье», - подумала я.

Пожала плечами.

- Да тебе и сыр на хлеб не дали. Ты подойди, разберись.

- Я не люблю сливочное масло, - сказала я и подумала: «Такой сыр тоже».

- А здесь не любят лохов.

Лохов нигде не любят, поэтому я после ужина подошла к раздаче.

- Извините, - окликнула женщину на кухне, которая что-то делала, нагнувшись. – Вы забыли положить мне на хлеб сыр и масло, - сказала я ей, как только она подняла голову.

- Игнатьевна, здесь какой-то сыр с маслом требуют, - крикнула она, обернувшись назад.

- Что-о-о? - из глубины кухни выдвигалась женская туша в колпаке и белом халате.

«Да сейчас из меня ни лоха, а курицу-гриль сделают», - подумала я, и сердце опустилось куда-то вниз. Я испугалась, что она начнёт кричать, а я с детства боюсь воплей и шума. И особенно разных толстых тёток.

Люди, ещё оставшиеся в столовой, с любопытством оборачивались. В дверях «умирали» от смеха Ирка и ещё несколько девчонок. К раздаче торопилась Анна Ивановна.

- Извините, - сказала я и, как ни в чём не бывало, вышла.

Хотелось что-нибудь разбить или хотя бы швырнуть стулом об эти казённые стены. Невыносимо хотелось домой.

- Кеша, - подошёл ко мне в коридоре какой-то тощий пацан и подал руку для приветствия. - Мы с тобой в одной семье будем.

- Маша Гринёва, - ответила я и пожала протянутую руку.

- Где-то я это слышал? - наморщил Кеша лоб. – Артистка такая, чё ли есть? – спросил он.

- Была.

А утром у меня украли одежду. Всю.

Правда, до утра был мой первый вечер в этом доме.

Когда мы пришли в комнату, оказалось, что у нас ещё двое в семье – близняшки Виталька и Вика. Не знаю, кто их так назвал: родители или в доме малютки оригинальничали от скуки, но было так.

Ещё оказалось, что книги с полок брать нельзя: они для красоты и проверяющих, об этом я тут же узнала от Ирки, как только вытянула томик стихов Ахматовой. Вечер начался неплохо.

Я села в кресло с книгой в руках, сосредоточиться на чтении, после всех тех слов, что я услышала от Ирки, никак не получалось. Подошёл Стёпка, поднял подол своей рубашки и достал банан, молча, протянул его мне. Я покачала головой, отрицательно.

Стёпка продолжал протягивать банан. Взяла, благодарно кивнув. Стёпка заулыбался довольный.

Время от времени в комнату заглядывала Липучка.

- Анна Ивановна, - обратилась я к ней, как только она в очередной раз появилась на пороге, - мне нужно голову помыть. Дайте, пожалуйста, шампунь.

- В тумбочке возле раковины.

- Но там только хозяйственное мыло.

- Вот что есть, тем и мой.

- Но хозяйственным мылом голову не моют.

- Моют. Это таким принцессам, как ты, – хлеб с маслом, а голову - шампунем.

Беру полотенце, мыло и выхожу в коридор. Там меня догоняет Аня и протягивает шампунь.

- Ой, спасибо, - говорю я.

- Ты только при всех мне не отдавай и на видном месте не оставляй, а то сопрут, - как-то странно ответила на мою искреннюю благодарность Аня, - Поняла?

- Поняла. Вы здесь все с приветом.

Иду в душ и слышу себе в след:

- Зря ты одна пошла.

Её что ли с собой взять?

Вот оно счастье. Да, зажрались те, кто может в любое время стоять под душем, а полежать в ванне – вообще нирвана. Напеваю. Мою голову, закрыв глаза, а когда открываю их - ору во всё горло: передо мной ржущая пацанья рожка. Рожка тянется рукой и хватается меня за грудь.

С силой толкаю его, держу дверь обеими руками и стою так, затем, не поворачиваясь, закрываю краны, не сводя с двери глаз...

За дверью ржут.

В коридоре передо мной неожиданно появился долговязый Кеша.

-Помочь? – спросил он.

- Обойдусь!

Кеша лыбился довольный.

На ночь - и это очередное «оказывается», - мальчики из комнаты семьи № 8 переходят в комнату семьи № 7, которая напротив, а девочки из той комнаты переходят в нашу комнату.

Девочки расстилают постели, укладываются спать. Когда я уже разделась и собиралась лечь, подошла Валя и, косясь на Иру, прошептала:

«Ты ночью не раздевайся. У нас девчонки не раздеваются».

Натянула спортивные брюки и футболку.

Вот это и осталась у меня, да ещё платье-балахон и комнатные тапочки, щедро выданные вчера. Жаль, никто не ложится в постель в крутых джинсах и свитере из натуральной шерсти.

«Плевать я хотела на всех. Они – не чета мне, - думала я тогда. – Значит неважно, что я делаю и что я ору, швыряя в них всё, что попадало под руку». А потом я увидела Стёпкины глаза. Вспомнила его улыбку и протянутый банан – стало жутко стыдно. Это как раз тот случай, когда уже невозможно избавиться от своих собственных поступков.

Сидела, обобрана до трусов, думала, как жить дальше. Время от времени, не стесняясь, ревела. В прежней жизни я не материлась. Принципиально. После того случая делаю это с удовольствием. Расслабляет. Если кому-то нужен хороший психотерапевт, могу дать адресок.

В тот день у меня вместо завтрака был кабинет директрисы. За столом - Зоя Викторовна. Злющее лицо. Я у двери кабинета.

- Государство для вас ничего не жалеет. Дети шахтёров не имеют того, что вы имеете, твари неблагодарные, - шипит она. – Истерики закатываешь, масло ей, видите ли, подавай. А ананасов не желаете?

- Причём здесь масло? У меня вся одежда пропала, - пыталась я объяснить ей, что у меня украли фирменные вещи, которые стоят больше, чем их сыр и хлеб, и масло вместе взятые.

- Что-о-о? Хочешь сказать, у нас воруют? Да ты сама, паршивка, продала свои тряпки. Обкурилась и устроила истерику. За психушкой соскучилась?

Почему соскучилась? Да я никогда в жизни в ней и не была. Беззащитность парализовала меня.

- На два дня лишаешься ужина. Это на первый раз, надеюсь, что последний. Всё. Иди! – проорала она мне в лицо.

Я развернулась и молча вышла. Боялась не сдержать слёз.

Как умереть с беспомощностью? Заползти куда-нибудь и переждать? Где бы ещё найти такое место.

Как-то так я себе всё и представляла, когда представляла. Но когда это я представляла детский дом?

Оказалось, ужина лишиться не страшно, а даже наоборот: ребята два дня приносили мне хлеб, сыр, печенье – сиди и жуй в игровой. Здесь же, развалившись на ковре, старшаки весь день смотрят телевизор.

Вообще детдомовские не любят бывать на чужой территории. Днями сидят в комнатах, как в

консервной банке, мне же хотелось выть от замкнутости пространства. Если бы я однажды решила составить список того, что сделает меня счастливой, то первыми в нём значились бы путешествия.

Что же ещё сотворить, чтобы и завтрака лишили: очень уж не хотелось тащиться утром в столовую? Каждое утро перед подъёмом я лежала и думала: «Хочу проснуться в своей родной постели. Хочу пить кофе в уютной кухне с чистыми окнами» и, чтобы не сойти с ума, говорила себе, что рано или поздно всё закончится – ничто всю жизнь не продолжается.

Возвращалась в обед из столовой в комнату, а навстречу мне Кеша и Пашка.

Пашка был одним из самых авторитетных старшаков, но он не ходил вразвалочку, не сплёвывал через плечо, не говорил «вау» или «ты чё не понял?». Всё это за него делал Кеша. На Пашке всегда чистые одежда и обувь. И ещё - у него волосы слегка с рыжинкой. А я рыжих не люблю.

Когда мы поравнялись, Пашка протянул мне руку, на открытой ладони лежала бабочка с серебристыми крылышками – брошь, подаренная мне одноклассником в далёкой прошлой жизни. Брошь была на когда-то моей блузке.

- Ну, ты, Робин Гуд, в натуре, - сказала я Пашке, опешив от неожиданности.

- Кто это? – спросил у него Кеша.

- Благородный разбойник, - ответила я ему.

- А-а, ну тогда это мы.

- Да, такие как те, что спёрли у меня всю одежду.

- Хочешь сказать, что твоя одёжка на меня бы налезла? – спросил Пашка.

- На тебя нет, а вот ему так в самый раз, - кивнула я на Кешу.

- Ты чё, хочешь сказать, что я такой же прыщ, как ты? Обижает, девочка.

- Ладно, пошли, - хлопнул Пашка Кешу по плечу, и они пошли дальше по коридору.

Крепкий и уверенный Пашка, а рядом - тощий и дёрганый Кеша.

Пашка и Кеша были неразлучными друзьями. Это удивляло, потому, как мне было достаточно прожитых в детском доме дней, чтобы понять: дружеские связи здесь очень и очень условные и нечёткие.

Что мне с ней делать? - вертела я бабочку в руках. - Зачем она мне со своими тоненькими крылышками.

Из подсобки появился завхоз, в нетрезвом виде, увидел меня, радостно оскалился. Я оглянулась – никого. Прижалась к подоконнику, а мужик, расставив руки, пошёл на меня. Схватил, навалился. Мне мерзко, я вырывалась и кричала. Это ещё больше его подзадорило, он пьяно заржал и больно ущипнул меня. Я стала плакать, толкать его в лицо. Из рта у него воняло, как из детдомовского унитаза. Он сунул свою руку мне между ног. Бессилие и ужас. И никто на свете не мог мне помочь. Но тут вижу: из-за угла коридора показалась девушка, взрослая, в очках. Она, по-видимому, не сразу поверила своим глазам. «Оставьте её», - набросилась девушка на пьяного урода, как только поняла, в чём дело. И принялась оттаскивать его. Мужик не испугался, но отвлёкся, а это позволило вырваться.

Я с трудом вывернулась из-под него и отбежала.

Я бы, не оглядываясь, бежала отсюда, но, пересилив себя, остановилась в стороне: вдруг этот негодяй позволит какую-нибудь гадость с девушкой. Завхоз отвернулся и, отходя, таким матом обложил нас.

- Эй ты, скотина, - крикнула я ему в спину, осмелев на расстоянии.

- Не тронь его, пожалуйста, - сказала девушка. Сквозь очки было видно, как она часто моргает. Ненормально часто.

- Спасибо вам, – поблагодарила я эту отчаянную.

•И тебе спасибо, - сказала она.

А мне-то за что? За то, что не убежала?

- Алла, - протянула она мне руку, но, спохватившись, добавила: - Михайловна.

Валюха мне потом сказала, что это была Очкарик. Кем она здесь работает, толком не объяснила, но сказала, что клёвая. Это я и без неё поняла.

На следующий день с утра душно. После некоторых раздумий я решила: нужно отсюда бежать. Куда? В свой родной город. И добираться автостопом. Я встречала ребят, которые так путешествовали. Правда, им уже было не пятнадцать, и они не передвигались в одиночку. Я вышла из городка в полдень по какой-то очень уж неглавной дороге.

Где-то на краю неба, над горизонтом, зарождались тучи, но они не торопились приближаться, и я надеялась, что дождь меня не догонит.

Я была уже далеко за городом, когда на дорогу упали первые капли дождя, большие и тяжёлые. Они быстро и сильно застучали по земле, по листьям кустов и деревьев. Через секунду дождь хлынул сплошной волной. Потемнело.

Я натянула куртку на голову и спряталась под огромный куст у дороги. Прямо над головой загрохотало, а затем где-то в отдалении со всей силы громыхнуло. Следом полоснула молния. Я заплакала: «Чёрт, чёрт. Что же мне делать?»

Кто-то же должен мне подсказать, как быть дальше. Не могла же я быть совсем одна в этом мире? Это не честно.

На дороге, с той стороны, куда я шла, показалась машина. Она медленно приближалась, сопротивляясь водяной завесе. Я стала вдоль дороги, даже не поднимая руки. И так всё понятно.

Машина остановилась. Дверцу открыл водитель лет на пять старше меня.

Я забралась на заднее сиденье и начала клацать зубами от холода. Парнишка подал мне что-то полосатое, похожее на плед.

- Боишься?

- Тебя? А что надо?

- Нет, грозы. Испугалась?

- Я грозы не боюсь.
- Да? А что так?
- Долго рассказывать, - немного помолчав, ответила я.

Мне случалось встречать грозу и в лесу, и в поле. Отец предпочитал сельский домик пятизвёздочным отелям с пляжем и морем. Мы проводили папин отпуск на Урале, в Подмоскovie, на Балхаше. Последний раз в Горно-Алтайске.

Поэтому в рассказах одноклассников на тему «Как я классно провёл лето в Сан Тропе» я не участвовала. В Сан Тропе и на Майами летали мачеха с Наташей.

Наконец-то дождь прошёл: ушёл дальше, за город, вслед за грозой, туда, где всё ещё сверкало и громыхало. Над нами появилось солнце, раздвинув посветлевшие тучи, а за ним на небе пестрой лентой повисла радуга.

- Смотри, классно. Сто лет не видела радугу, - сказала я парню, когда вышла из машины возле ворот детского дома.

- И я, - высунулся он из окна и посмотрел в небо.

- Ну, давай, - махнула я ему на прощанье, поёжившись от холода. Одежда на мне всё-таки оставалась мокрой.

- Ты, это, слышь, не говори никому, что убегала. Скажи, хотела погулять, заблудилась. Вот под дождь попала.

- Спасибо. Пока.

Парень посигналил мне, отъезжая. Я так и не спросила, как его зовут, и он тоже.

- Я просто хотела погулять и заблудилась, - твердила я, как попугай, нашей Липучке. Липучка угрожала мне психбольницей. Далась им эта психушка!

- Что? Хочешь диагноз получить? – спросил Пашка.

- Двадцать минут и ты - дебилка, - весело добавил Кеша.

Я попыталась улыбнуться, и не смогла. Да, было бы круто: к своим проблемам добавить ещё и диагноз.

- Ты Матильду из себя не выводил, - шептала мне в комнате Валя, - она, знаешь, какая злопамятная.

- А кто это?

- Ну, директриса же наша, - пояснила Валюха.

- А-а-а.

Несмотря на запрет, я на следующий же день пошла гулять. Гуляя по городу, увидела автобус номер тринадцать. Никогда в жизни не встречала общественный транспорт за таким номером. Я была уверена, что его и не существует: ну кому охота по собственной воле ежедневно садиться в тринадцатый автобус? Я села в него и доехала до окраины. Заводской окраины, так как прямо напротив остановки, за высоким кирпичным забором, утопал в зелени старых деревьев какой-то завод.

Я вышла и, перейдя улицу, вошла во двор. Села на лавочку под молодым клёном. Кленовые листья уже с багряной окантовочкой. Рядом по-осеннему яркая рябина полыхала оранжево-красными кистями маленьких ягод. Двор, как ковром, покрывала какая-то травка. Посередине разбросалась детская площадка, того же возраста, что и сам двор, но все качели, домик, песочница и беседка были свежевыкрашенными. Лавочки слегка косыми, но целыми и невредимыми. На них кое-где сидели люди. В песочнице играли дети. Дружно играли, как с детства знакомые. В беседке сидели три девушки и парень широковатый в талии и тяжеловатый в попе, в цветных шортах. «Валера. Валера», - постоянно было слышно там.

Я сидела и слушала двор.

- Что-то случилось? – спросил плотный широкоплечий парень, я и не заметила, как он подошёл.

- Михаил, - сказал он, – Москов. Живу в шестнадцатой квартире, вот в этом доме, - указал на пятиэтажку за своей спиной Михаил.

- Маша, - ответила я. - Ничего не случилось. Просто сижу.

- А в своём дворе, что не сидишь? Проблемы?

Михаилу явно хотелось уладить чьи-нибудь проблемы. Своих что ли мало?

- Проблем нет. Но и двора нет, - ответила я, предчувствуя ещё кучу вопросов, но Михаил сразу догадался:

- Детдомовская?

Я молча кивнула.

На соседнюю лавочку села девчужка с яблоками в обеих руках. Две косички её торчали в стороны.

- Маринка, привет, - тут же переключился на девочку Миха.

Маринка охотно кивнула, без слов. Рот у неё был набит яблоками.

- С дачи приехали?

- Ага, - наконец прожевала девчонка.

- Угости Машу, - предложил ей Миша.

Маринка радостно подскочила и протянула мне яблоко.

- Спасибо, - сказала я и подумала, что в этом дворе все готовы сделать что-нибудь кому-нибудь хорошее, как пионеры – внучата Ильича. Мне Ньюша про них все уши прожужжала.

• Не-е, ты принеси и нормально нас угости, - сказал Михаил Москов.

Девчонка опять подскочила и куда-то унеслась. Вскоре вернулась с пакетом яблок и, шмыгнув носом, протянула мне.

Мы ели Маринкины яблоки и молчали. К счастью, Михаил не придумал, что бы ещё у меня спросить.

- Если что – приходи, - сказал, прощаясь, пионер Миша Москов. – Квартира шестнадцать.

- Угу, - сказала я.

Откуда такая уверенность, что обязательно что-то должно случиться?

Ночью шёл дождь. Холодный и долгий.

Итак, кончалось лето, начиналось время дождей и промозглой сырости.

А на следующий день начинался новый учебный год. Нас строем повели в школу. Было странно шагать парами, как когда-то в детском саду.

Над школьным двором звучала музыка. Гудели и звенели голоса. Учащиеся построены для проведения школьной торжественной линейки, посвящённой Первому сентября. За ними - родители. В первом ряду каждого классного коллектива один учащийся держал табличку, на которой крупно написаны класс и литер. Возле таблички «10Б» стояли я и Ирка. Рядом, косо на меня поглядывая, классный руководитель Виолетта Моисеевна - женщина предпенсионного возраста с неестественно белыми волосами, уложенными в высокую залакированную копну, и замдиректора школы Ольга Алексеевна - миловидная женщина средних лет.

- Простите, Ольга Алексеевна, может мне уже перейти в детский дом с жалкими остатками моего класса, чтобы детдомовцы не утруждали себя посещением школы, а обучались у себя на месте, - хорошо поставленным голосом говорила наша классная руководитель, удерживая завуча за полу пиджака.

Кстати, скверная привычка бестактных людей.

- Виолетта Моисеевна, дорогая, - говорила Ольга Алексеевна, девочка буквально вчера из дома, ей лучше будет адаптироваться в вашем прекрасном коллективе.

- Вы пользуетесь моим прекрасным расположением к вам и моим мягким характером, - говорила Виолетта, и из её голоса постепенно исчезал металл.

- И вашими душевностью и педагогическим талантом. Виолетта Моисеевна, ну кто ещё, если не вы? – пела Ольга Алексеевна. Я представляю, как её уже достала наша классуха.

- Только вы можете так работать с трудными детдомовскими ребятами. Я вас прошу, - завуч умоляюще прижала руки к своей груди.

- Видит Бог, я обречена, угробить остатки своих нервов и здоровья в этой школе, - постепенно сдавалась непреклонная залакированная крепость.

Я была зачарована дипломатическими талантами этих двух педагогических величеств.

Стояла среди чужих ребят, так неожиданно и вдруг ставших мне одноклассниками, и вспоминала другой школьный двор, другие лица. В нашей частной школе детей и учителей было гораздо меньше. Все они менее эмоциональны. За ажурным металлическим забором школы – припаркованы более шикарные автомобили.

Где-то фоном - шум линейки: приглушенные голоса, громкие речи выступающих, а перед моими глазами лицо холёной женщины, говорящей что-то на английском языке. Улыбка одними губами. Это лицо моей прежней классной дамы.

Звучит громко музыка, толпа идёт к школьной двери и там тонким ручейком втекает в школу.

Я вижу, как Ольга Алексеевна отзывает из идущего в свой кабинет 10 «Б» двух девочек и, прислушавшись, слышу, как она им говорит:

- Девочки, к вам в класс пришла новенькая. Она совсем недавно потеряла родителей. Она выросла в хорошей семье, но случилось несчастье, и она оказалась в детдоме.

- Кошмар! Представляю, - делает круглые глаза одна из девочек.

- Поддержите её. Я знаю, вы - порядочные люди.

Ольга Алексеевна отходит от них и вступает в разговор с двумя улыбающимися родителями, а девочки спешат в класс, что-то бурно обсуждая.

В этот же день мы с ними подружились.

Ту, что делала круглые глаза, зовут Нина Казакова. Она единственный ребёнок в хорошо небедной семье. Мама её целую вечность домохозяйка, поэтому Нинка избалованная, капризная белоручка. Нина тоненькая и длинноногая. У неё блестящие, ухоженные волосы. Вторая девочка - Сабрина. У неё только грустная мама, папа, по-видимому, был других, горячих кровей: У Сабринки темные завитушки вокруг лица, большущие глаза, ладная фигурка и неуёмное желание, если не танцевать, то хотя бы пританцовывать.

Вначале я подумала, что Нинка удобно устроилась на шее Сабрины, а та не может сказать ей: «Слазь!» Позже поняла, что это совсем не так.

Мы с Кешей, он оказался Славкой Федуловым, учились в одном классе.

Школа. Детский дом. Школа.

Класс был нормальным. Наша Виолетта грамотно форсировала события, все группы мирно сосуществовали под одним небом, междоусобные войны классуха гасила вовремя.

Сабринка была одним из лидеров, самым не агрессивным.

Ребята из дедика жили своей жизнью, параллельно. Как я узнала позже: у Виолетты Моисеевны было со Славкой Федуловым разумное соглашение, и, если в классе что-то пропадало, вора искали не только исключительно среди нас, детдомовских. Но, в общем, ничего и не пропадало, и мало что ломалось. Толерантность в отдельно взятом коллективе.

Жизнь продолжалась.

Я вышла из школы, медленно прошла через двор и, свернув за угол, остановилась пораженная. Рядом с дорожкой рос огромный, по-видимому, его посадили ещё первые ученики этой школы, куст боярышника. Заканчивался сентябрь. Куст полыхал. Жёлто-горячие ягоды пучками разбросаны по багряным листьям. Я столько раз за эти дни проходила мимо и только сейчас увидела это диво. «А жизнь-то, оказывается, не закончилась, - подумала я. - Вот только вместо нормальной человеческой жизни судьбой мне уготована «Надежда», одиночество и страх».

Когда я в последний раз любовалась чем-то красивым, когда думала о чём-то хорошем? Нет, у меня ещё не конец пути, и нужно выровнять корабль и плыть дальше.

Беда – это когда уже ничего не изменить и не поправить, но это явно не мой случай.

Решаю ни во что не ввязываться. Сегодня может очень конкретно повлиять на то, что буде

завтра. По глупости можно легко встрять, а у меня впереди ещё целая жизнь. Так что благодарю.

Но что-то, я думаю, нужно делать сейчас. Например, ввести в заблуждение Матильду: показать ей, что я просто лохушка, со съехавшей крышей.

Я любила посидеть вечером на окне: посидеть в темноте и одиночестве, как любила дома, здесь не получалось, поэтому довольствовалась подоконником. Благо он в этом старом здании широкий и деревянный.

Вот и прошёл ещё один день.

Луна светила ярко. Деревья и длинные тени от них хорошо видны. Вдруг среди деревьев появились двое взрослых крепких парней, они буквально несли под руки третьего - небольшого мальчика.

Мальчик явно не хотел идти, пытался сесть на землю. Двое без особых усилий вели его. Подвели к забору и перебросили, один из парней легко перепрыгнул следом. Второй бегом возвратился в здание. За оградой зажглись фары и машина отъехала. Всё как в немом кино.

И я какое-то время смотрела в окно как на экран. Затем закричала:

- Девочки, девочки!

Девчонки вскочили. Комната освещалась луной.

- Там, там, - показала я им в окно.

Ко мне подбежали Ира и ещё одна взрослая девчонка из семьи № 7.

Обе прижались лбами к оконному стеклу. Девочка отошла к своей кровати. Ира продолжала вглядываться в ночь.

- Там никого нет, - сказала мне девочка.

- Нет, есть. Там двое взрослых парней тащили мальчишку и перебросили его за забор.

А один вернулся сюда. Он здесь.

Ира легла в свою кровать и прошептала взрослой девочке из семьи №7:

- Фараон.

В темноте на своей кровати тихо начала плакать Валя.

- Девочки, так нельзя, нужно что-то делать, - сказала я.

Все молчали.

- Я пойду к дежурному воспитателю, откройте мне дверь.

Насмешливый голос из темноты:

- А кто её закрывал? Двери у нас закрывать нельзя.

Я на диване, рядом заспанная дежурная воспитатель. В руках у неё стакан с водой.

- Успокойся, тебе со сна показалось, - лениво говорила она. - Иди спать. У нас на ночь дверь на семь запоров закрывается, а внизу у входа дежурит охранник.

Воспитка широко зевнула и поскребла у себя под мышкой.

- Даже сама Зоя Викторовна, если бы захотела, сразу не смогла бы сюда попасть.

- Я вам повторяю: я не спала, я сидела на окне...

- Выпей вот таблетку и иди спать.

- Я чётко видела...

- Я тебе говорю, выпей лекарство, - уже раздражённо сказала дежурная, - а то позову охранника, и он силой запихнёт его тебе.

Толкает мне в рот таблетку. Глотаю, запиваю из протянутого стакана. Походу у них тут все проблемы лечатся, если не в психушке, так таблеткой.

- Ну, вот и славненько, - довольная дежурная почти что улыбается. - Поспишь и всё забудешь. Иди. И я всё забуду, и никому не расскажу.

- Нет, вы не правы. Нужно срочно вызвать милицию.

- А вот этого делать никогда не нужно. Слышь, ты мне уже надоела.

Позвонила по телефону:

- Вадик, поднимись на минуточку. Здесь одну психованную нужно отправить в изолятор.

Пришёл охранник Вадик. Молча схватил меня под руку и молча повёл. Мне страшно и хочется спать.

•Вы куда меня тащите? – спрашиваю его, но он как - будто не слышит.

Наталья Караева: «Цепь событий»

Изолятор - узкая комната без окна с двумя кроватями и прикроватной тумбочкой. Здесь же раковина и унитаз. Охранник втолкнул меня в эту комнату. Закрыл на ключ. Щёлкнул выключателем с той стороны двери, и ушёл. Я легла и провалилась в сон.

Утром сцена повторяется: за столом - злющая Матильда, у двери кабинета я.

- Что за ночное представление ты устроила? – всё тем же ледяным голосом спрашивала директриса. - Не слишком ли много внимания твоей персоне? Ещё раз и я тебя в психушку отправлю.

- Зоя Викторовна, я действительно видела...

- Ты что дурочка? Это может, твоя мать жопу тебе мармеладом мазала, а у меня нет времени с тобой нянчиться. Вас много, а я одна.

Позвонила по телефону:

- Заберите девочку.

Вошёл другой охранник, такого же роста и с такой же тупой рожей, как и Вадик. Явно кастингом в этой компании занимался один и тот же человек.

- Отведите её в изолятор, - не глядя на меня, сказала дылде Зоя Викторовна, - а то она начнёт в школе нести всякую ахинею. Пусть пару дней побудет там, оклемается, а если нет – придётся в психушку отправлять.

Охранник вел меня по коридору.

Шла, не сопротивляясь. Навстречу – Пашка и почему-то без Кеша. Глаза наши встретились. Усмехнулась. Когда мы свернули на лестницу, я обернулась. Пашка стоял в коридоре и смотрел нам в след.

Весь день тупо лежала на кровати. Вечером в дверь тихо постучали.

- Кто там?

- Это я, - ответил Кешин голос. - Ты как там?

- Классно. Хоть одна побуду, надоели вы мне все. Вот только покормить меня забыли Кеша смеётся:

- Ну, это лучше, чем под лестницей. Под лестницей воды нет. И срёшь в ведро. Пока отсидишь - провоняешься.

- Так у вас ещё покруче камера есть?

- Да, под лестницей. Ты ночью не бойся.

- Если бы я могла изнутри закрыться! А что есть, кого бояться?

- Старшаки решили, раз ты правильная девчонка, будут тебя ночью охранять, - сказал Кеша, но на мой вопрос не ответил.

- Старшаки? Я такой охраны боюсь ещё больше.

Кеша смеётся.

- У нас сейчас старшаки нормальные, а вот в том году беспределили по-чёрному. У Ирки вон волосы только отросли, совсем лысая была (смеётся), как НЛО.

- Кеша, а кто такой Фараон? – задаю я давно интересующий меня вопрос.

- Ладно, я пошёл. А то, если застукают, тогда тебя точно под лестницу отправят, а меня - в психушку.

- Кеш, а что психушка - это реально?

Кеша опять засмеялся.

- Это реальнее, чем мы с тобой. Мы сегодня есть, а завтра нас нету, а психушка - на века, - сказал он и прошептал: - А про Фараона ты молчи.

Кеша ушёл. Вечер вопросов и ответов закончился.

Ночью не спала – выпалась и боялась. И ещё хотела есть.

Утром робкий стук в дверь. Подошла к двери.

Наталья Караева: «Цепь событий»

- Кто?

- Это я, - прошептала Валуха. - Привет! Как ты?

- Есть хочу, ажно голова кружится.

- Потерпи, не умрёшь. Спи больше, - звучит совет бывалого. - Сколько тебе ещё?

- Матильда сказала: два дня, так что завтра выпустят.

- Виталька говорил, что старшаки ночью тебя караулили, всё нормально было, поэтому, сегодня уже не будут. Ладно, побегу. Я дежурю в столовке.

- Что на обед?

- Не скажу.

- Надо же, моё любимое блюдо.

После Валиного визита поднялось настроение: меня, оказывается, охраняли, кому-то до меня есть дело. Люди, я вас люблю.

Вместо обеда пила воду, а в конце дня принесли ужин. Вечером долго не могла уснуть, лежала на животе и пела. Затем незаметно уснула, проснулась от какого-то шороха. Привстала, прислушалась. Кто-то тихо открывал дверь ключом. Бесшумно, как ящерица, скользнула под кровать.

Крадучись вошёл крупный парень-бык, заполняя собой всю комнату. Протянул руки, пошарил по кровати. Замер, опять пошарил. Повернулся. Постоял. Затем резко нагнулся и потянул меня из моего ненадёжного укрытия.

Кусаю его. Он бьёт меня кулаком в грудь.

На мгновение перехватило дыхание, схватила воздух ртом и закричала. Ужас и отчаянье разрывали меня. Громадина зажал мне рот и повалил на кровать. Казалось, лучше бы сейчас сойти с ума. В дылде узнала охранника Вадика.

Вижу, как сзади на Вадика набросился парень без лица, ударил его по затылку, тот развернулся, и началась драка. Охранник подмял парня под себя. В дверях появился Кеша с палкой в руке, ударил по голове Вадика, тот поднял голову, схватил Кешу за запястье и резко повернул. Кеша пронзительно вскрикнул и уронил палку.

Неизвестный, он оказался в шапочке-маске, поднял тумбочку и хорошо шибанул противника, тот обмяк. Парень приподнял за плечи и с трудом вытащил неподвижную тушу в коридор. И уже оттуда Пашкиным голосом громко прошептал мне: «Давай, быстрее выходи».

Я боялась перешагнуть через эту, лежащую у порога, гориллу. Пашка дотянулся до меня и со всей силы дёрнул, я перекатилась через Вадика и упала рядом. Туша застонала и зашевелилась. Пашка поднял меня, схватил за руку и потащил по лестнице вниз, в подвал.

Там достал из кармана ключ и открыл какой-то тесный чулан, впихнул туда меня.

- Сиди тихо, певица. Вот ключ, закрывайся и ничего не бойся, - сказал он и добавил: - Утром, как услышишь движение, – беги в изолятор и веди себя так, как будто ничего не случилось.

- Мышей боюсь, - проклацала зубами.

- Нашла, кого бояться, есть звери пострашней. Укутайся чем-нибудь, а то замёрзнешь.

Пашка бесшумно поднялся по лестнице вверх. Я боялась закрыться, поэтому просидела до утра с приоткрытой дверью. Даже немного вздремнула.

С утра вела себя так, как приказал Пашка, то есть, как будто ничего не случилось.

В школе Сабринка сразу же спросила:

- Слушай, Машка, ты совсем бледная. Плохо себя чувствуешь?

Я пожала плечами:

- Да, так себе. Не смертельно.

- Как-то резко ты заболела: в школе было нормально, а на следующий день не пришла, - сказала Нина.

- Траванулась чем-то в столовке, - ответила я им.

Наталья Карасева: «Цепь событий»

В школе удаётся расслабиться и даже забыть на короткое время «Надежду».

Мы сидели втроём за столиком в столовой, к нам под села одноклассница. Переводим тему разговора на нейтральную.

Одноклассница толкает Нинку и указывает на проходящего к стойке парня.

- Нинка, Нинка, твой пошёл...

- Ну, допустим, он не мой, надеюсь, пока, - кокетничает Казакова.

Я смотрю вслед парню. Каланча ни о чём. Значит интеллект, другой причины запать на него у Нинки не было.

- Маш, а у тебя парень был? – спросила одноклассница.

Пожала плечами.

- Машка, а у вас в детдоме есть стоящие парни? – поддержала тему Сабринка.

- Есть, самые, что ни есть стоящие.

Нинка засмеялась:

- А-а! Уже кого-то присмотрела.

- Да ну их, детдомовских! Не вздумай! Ты девчонка нормальная – найдёшь себе, - сморщила нос одноклассница.

Мимо к раздаче продвигались две одиннадцатиклассницы, одна из них Лера - бледная голубоглазая блондинка, другая – её подруга Ника.

- Что, мочалки, всех обсудили? Чужая красота спать не дает? – спросила нас Лера.

- Капец! Развелось здесь блондинок – ступить негде, - пробурчала Сабринка, не обращая внимания на Леру.

- И плюнуть тоже, - добавила Нина.

Лера остановилась.

- Вы чё проблем хотите?

Её спутница повернула голову, окинула нас нарочито небрежным взглядом, скривила презрительно губы:

- С ними разбираться – себя не уважать. Пошли.

Отошли. Лерка громко, на всю столовую:

- Блин! Будет время, разберусь с засранками.

- Скорее бы окончить школу – достали эти вечные «стрелки», - говорит в сердцах наша одноклассница и понимаешь, что действительно достали.

- А что за школой по-другому? – задала нам риторический вопрос Сабринка.

- Ну, мы- то хоть домой придём – расслабимся, а Машка? Там у них такие девчонки. Мама, не горюй! – сказала Нинка.

- Да, тоска! Одна Ирка чего стоит, - поддержала тему одноклассница.

- Ты как с Ирккой? Я смотрю, никак. Вообще не общаетесь? – спросила меня Нина

- Да, именно никак.

Зазвенел звонок. Мы быстро вышли.

Вечером, во время ужина, наша семья сидела тихо; изредка перешёптывались.

У Кеши забинтована рука, на запястье гипс. Украдкой посматривала в сторону Пашки. У них за столом шумно: что-то обсуждали, смеялись.

Пашка не обращал на меня внимания. Обиделся? Или просто не особо интересно?

Подошла Липучка:

- После ужина никуда не выходить из комнаты. Надоели мне. Одна не успела прийти, уже из изолятора не вылезит. Другой балбес (бьёт Кешу по затылку) на ровном месте руку сломал. Дурдом!

- В умывалке поскользнулся. Чё я виноват?!

- Ну да, вы никогда не виноваты, а мне премии и в этом месяце не видать

Косится на Стёпку.

- А ты чего ковыряешься в тарелке? Аленький цветочек ищешь?

- Вашу премию, – вставился Кеша, Стёпка молчал.

Анна Ивановна вздохнув, отошла к группе воспитателей.

- Сегодня, когда я дежурила на кухне, - пригнувшись к столу, прошептала нам Валя, - охранник Вадик приходил завтракать с синячищем на морде, я слышала, как он поварихам говорил, что ночью тоже поскользнулся и упал на лестнице.

Все, кроме меня и Кеши, тихо засмеялись.

- А утром внизу, - сказала Вика, - когда мы в школу шли, Игорь из девятой семьи его нечаянно плечом задел, так он ему как врежет. Игорь ажно упал.

- Во, козлина, и так дурак был, а тут ещё башкой стукнулся, - сказала Ирка и покосилась на Кешу.

После ужина к нам в комнату заглянул детдомовец с красной повязкой на рукаве, на которой белая буква «Д». Это дежурный.

- Здравствуйте, Анна Ивановна, там вашего Стёпку вниз зовут, - сказал он.

- Стёпку? Это зачем? – спросила Ирка.

Дежурный пожал плечами.

- Оно тебе нужно? – раздражённо Ире Липучка. - Иди Стёпка, только как отпустят, сразу сюда беги, а то будешь там телепаться. Так меня не только несчастной премии, но и зарплаты лишат. А моего ребёнка никто даром не накормит.

- А вы сдайте своего сына в детдом, будет и у него всё даром, - Ирка Липучке.

- Ты мне поумничай.

- А Стёпку зачем? А? – спросила я Ирку.

Ира сделала вид, что не слышит.

Той ночью мне снилась мама. Во сне я плакала и просила забрать меня, а она говорила: « Не плачь. Проснись. Проснись».

Я проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо. Оказалась Ирка.

- Вставай, слышишь? Тихо, тихо не шуми.

Я испугалась и подскочила.

- Тихо. Ты не дома. Проснулась? – шептала она.- Выйди, к тебе там пришли.

Я мотаю отрицательно головой. Натягиваю одеяло до подбородка, прижимаюсь к стене.

Мне страшно и я хочу, чтобы меня оставили в покое.

- Да не бойся ты, - не отстаёт девчонка. - Тихо выйди, а то разбудишь всех. Иди.

Выхожу в коридор, стараясь не шуметь.

И сразу сталкиваюсь с Пашкой. Тихо вскрикиваю от неожиданности.

- Всё, всё, - берёт Пашка меня за плечи и заглядывает в лицо. Я неожиданно прижимаюсь к нему и тихо плачу. И не было в тот момент у меня роднее человека, чем этот.

Пашка гладит меня по голове, как маленькую.

- Всё будет хорошо, - сказал он и обнял меня.

И я знаю, что это правда.

- Успокоилась?

Я кивнула.

- Ты помнишь свою маму, - спросила я.

- Какую маму?

Мы сидели на подоконнике, обнявшись.

- И я нет. А какими ты представляешь своих родителей?

- Ни какими, - сказал Пашка. Он поморщился. – А зачем представлять людей, которые меня бросили?

Я отстранилась от него.

- Знаешь, - Пашка опять притянул меня к себе, - я, как только увидел тебя в первый раз у нас, так сразу понял, что мне придётся тебя удочерять.

- Правда? Спасибо. А Кеша?

- Это Кеша меня усыновил. – Пашка улыбнулся. – А я вот - тебя.

Помолчали.

- Паш, а почему этот урод ко мне пришёл?

- Он так делает, если девчонки клёвые туда попадают.

- Паш, значит Вадик один из тех двоих, кого я ночью видела?

- Сыч у него кликуха. Не обязательно он.

- Паш, но ты - то мне веришь, что я взаправду всё это видела?

- Мы пустили слух, что ты гнала ночью, а потом всё забыла.

Помолчали.

- Маша, тебе нужно опасаться Сыча. Ты одна нигде не оставайся.

В коридоре послышался шорох, и Пашка затолкнул меня в комнату. Я замерла за дверью, а когда через время выглянула, то уже никого не было, я позвала Пашку – никто не ответил.

На цыпочках прошла к кровати и тихо стала ложиться, когда услышала злой шёпот Иры:

«Да, быстро ты сообразила, как здесь выжить».

Стояли последние тёплые деньки. Берёзы под окнами светились прозрачным жёлтым светом. Во дворе появилось много синичек. Другие птицы улетают в тёплые страны, а эти перебираются ближе к людям. Если бы можно было выбирать, то я бы всю жизнь прожила вот в такой осени.

Вчера во дворе школы я увидела парня своей мечты.

Высокий, загорелый, стройный. Он стоял возле мотоцикла с каской в согнутой в локте руке.

А сегодня этот парень появился в нашем классе. Нет, так в реале не бывает. Или может именно так и бывает, когда судьба?

Итак, всё по порядку.

Звенит звонок. Шум постепенно стихает. Начинается урок.

Сижу, задумавшись, рисую на последнем листе своей тетради море, солнце, парусники. И вдруг вспоминаю, что утром не видела Стёпку. Появляется тревога, и тут...

Стук в дверь. Входит парень. Загорелый, подтянутый.

Улыбается. Белоснежная улыбка. Все тревоги отступают.

- Виолетта Моисеевна, извините за опоздание. Можно войти?

- Спасибо, что хоть вообще пришёл, - произносит своим поставленным голосом эту давным-давно не оригинальную шутку Виолетта. - А что опоздал на целый месяц? Водитель проспал?

- Старушку через дорогу переводил- задержался.

- Проходи, добрый ты наш. Садись, учись, раз уж бархатный сезон на морях закончился.

Парень проходит на заднюю парту, в первом ряду. Обворожительная гримаса классу, приветствие рукой, как с трапа самолёта. Пол класса девчонок в улыбках.

- Это что ещё за звезда мыльных опер? – толкаю в спину, сидящую передо мной Сабрину.

- Это Стас Понамарёв. И прошу поосторожнее в выражениях: я в него влюблена с первого класса. Безнадёжно.

Парня моей мечты звали Стас. Стасик.

- Забит? – спрашиваю без всякой надежды.

- Не то слово! На полметра нельзя приблизиться. Убивают автоматной очередью. Да, ты знаешь их, Лерка из 11 «Б» и подруга её Ника. Влюблены то обе, но выбрали,...

- Естественно, очаровательную блондинку, - заканчиваю я Сабринкину фразу.

- Не-а. Блондинки они только на фотках классно смотрятся. Нику!

У Ники контрастная стрижка: левый висок выстрижен, а справа - длинные волосы. Косой пробор. Обведённые глаза, тёмные тени.

То, что Ника первая красавица школы – никем не оспаривалось.

Впрочем, определение красоты весьма субъективно.

Поворачиваюсь к окну и вижу, что Стас смотрит на меня. Кривлю ему рожицу. Парень улыбается:

- Привет! Новенькая?

- Что, Пономарёв, помечаем территорию? - говорит Виоллета. - Имей в виду, Гринёва, у него только улыбка красивая.

- А у хорошего человека должны быть красивыми и душа, и тело, и мысли, - говорит Стас, у которого всё очаровательное: и голос, и улыбка, и глаза...

Повернул голову и опять улыбнулся. Затем наклонился над тетрадь. Слушал Виоллетту, шептался с соседкой по парте, к нему постоянно поворачивалась девочка, сидящая впереди, но он, ни разу, так и не посмотрел в мою сторону.

Урок закончился.

«Между прочим, очень заметно, что ты не оторвала взгляд от Стаса», - сказала мне в коридоре Нина.

Первый снег выпал рано, в начале октября. Выпал неожиданно и ночью, когда все спали. Наверное, он шёл долго, потому что весь мир плотно засыпало белым.

Утром чистила зубы. Ко второй раковине подошла Аня, и не глядя на меня, как бы, не обращая внимания, тихо проговорила:

- Ты слышала новость? (пауза) Кешка смылся.

Я уронила на пол зубную щётку и белыми от зубной пасты губами спросила:

- Сбежал? А ты откуда знаешь?

Анька молча умывалась. Я быстро прополоскала рот и выбежала.

Нашла Пашку. Он, как ни в чём не бывало, сказал мне: «Привет» - и прошёл мимо. Я в панике.

Позже, в школе, Пашка вызвал меня с урока, отвёл в какой-то тупичок возле слесарных мастерских и сказал:

- Машка, ты никогда не суепись. Научись скрывать то, что у тебя там внутри, - он ткнул пальцем себя в грудь, - а то сама запалишься и других подставишь легко.

Мне стало стыдно, что из-за меня кто-то, особенно Пашка, мог пострадать. И ещё я решила, во всём и всегда его слушать.

- Сыч нас искал. Он в темноте не понял, кто мы. А у Кеши гипс, такое не скроешь. Вот он и сбежал, а старшаков весь день по одному таскали, пытали.

- Кто пытал?

- Второй охранник Бельмандо, который на смену пришёл, и Конь.

- Конь – это же воспитатель? – сильно удивилась я.

- Да, воспит. Но Вадик помогал ему старшаков ломать, а Конь теперь и впрягается за него, - пояснил Пашка. - Да я и не думаю, что Вадик правду им рассказал. Небось, корчит из себя Терминатора.

После школы в детском доме меня ждал новый сюрприз: после обеда всю нашу семью поставили на колени.

Надолго запомнила, как мы стояли с измученными лицами до ужина.

У окна Анна Ивановна. Сидела и зашивала изорванную одежду, пришивала оторванные пуговицы и выговаривала нам за свою поломанную жизнь и за истрёпанные нервы.

- Вот стойте теперь, - как попка твердит она.

- А мы чё виноватые? Мы чё говорили ему убегать? – канючит Валя.

- Заткнись, не скули, - беззлобно обрывает её Ирка.

- Врагу не сдаётся наш гордый варяг, - кривляется, заглянувший к нам пацан из комнаты напротив.

- Вот стойте, стойте. Сходите в столовую и опять стоять будете, - бубнит своё Липучка.

- Пока Федулова не найдут.

После ужина Анна Ивановна принялась за своё:

- Все процедуры и в свою комнату. Из комнаты никому не выходить.

- Мы что в тюрьме? – возмутилась я. Мне хотелось найти Пашку и узнать у него про Кешу.

- А ты думала где? В раю? – прицепилась ко мне Липучка. - Иди молча в комнату, а то окажешься опять в изоляторе.

Я тут же замолкла: страшнее изолятора для меня только смертная казнь.

Несмотря на усталость, проснулась рано утром и, хоть глаз выколи, не могла уснуть.

Посветлел квадрат окна. В комнате постепенно рассеялась темнота. Все девочки спали, одна я лежала с открытыми глазами, по щекам из глаз текли слёзы. Затем встала. Решила, принять душ, пока все спят, заодно и поплакать там в одиночестве. Когда встала, видела, Анька приоткрыла глаза и из-под опущенных ресниц наблюдала за мной.

Стараясь не шуметь, вышла на цыпочках с полотенцем в руках. Тихо прошла к душевым. Оглянулась. Вошла. Тихо прикрыла дверь. Прислушалась и начала снимать футболку. Вдруг какой-то звук в одной из кабинок. Вздрогнула, быстро натянула футболку, на цыпочках подбежала к кабинке и резко её открыла.

В кабинке, привязав шнур на душевом держателе для лейки, пытался повеситься Стёпка. Он, засунув голову в петлю, стоял на каком-то хлипком стульчике. У меня на глазах Стёпка толкнул стул ногой, стул упал на бок, Стёпка повис.

Я схватила тельце мальчика и держала его изо всех сил руками, не давая повиснуть. Слышала, как рядом стучало сердечко мальчишки. «Тук-тук. Тук-тук», - билось оно внутри. Я готова была всё на свете отдать, только бы со Стёпкой ничего не случилось.

- Стёпочка, ты что? Маленький, ты зачем? – плакала я.

Потянулась ногой к стулу, пытаюсь поднять его, не получилось.

- Помогите! Господи, помоги же, - начала я кричать.

В кабинку заглянула Анька, вскрикнула и отшатнулась.

- Помогите мне, Аня, - попросила я её.

Девчонка секунду стояла в нерешительности, затем убежала.

- Ты где? Подержи Стёпку. Аня! – кричала я. - Помогите, я сейчас его уроню.

Слышно было, как дверь открылась, лёгкий топот, и в дверях появилась тяжело дышащая Ирка.

- Сейчас, держи, держи крепко, - шепчет она.

Ира поставила стул, взобралась на него, попыталась развязать шнур.

- Подержи его, - попросила я.

Ира поддержала. Затем показала головой на шнур.

- Чем- то отрезать. Беги в комнату, возьми у Аньки ножнички для маникюра. Быстрее, но тихо.

Убегая, слышала, как Ирка говорит Стёпке: «Потерпи. Не умирай, пацан».

Прибежала, запыхавшись, с ножничками. Начала резать.

Не получается.

- Держи Стёпку, - передала мне Ирка мальчика, взяла у меня ножнички и с трудом перерезала шнур. Вынесли Стёпку. Ира брызнула ему в лицо холодной водой. Я отстранила Иру рукой и начала делать Стёпке массаж сердца. Мальчик открыл глаза.

- Уф! На этот раз пронесло, - прошептала Ирка и поцеловала Степку.

Обе плакали беззвучно. Ира подняла мальчика и отнесла его к нам в комнату. Проснувшиеся девочки испуганно смотрели. Одна девочка попыталась что-то сказать, Ира посмотрела на неё сердито: «Всем лежать тихо».

Я стянула со Стёпки мокрую рубашку. Стёпка застонал: на худеньком тельце синяки и кровоподтёки. Молча, переглянулись.

- Девочки, Стёпка заболел, у него температура, ему плохо. Он полежит, а вы вставайте тихо, – сказала я девчонкам, но те всё понимали.

- Ни кому не трёкать, а то сейчас найдут ему место. Вы же знаете нашу Матильду, ей бы от нас всех избавиться.

- Чуть что - сразу в психушку, - подала голос Валя.

Девочки начали вставать, выходить с полотенцами, одеваться.

- Воспитке доложите, что он всю ночь у нас пролежал, - сказала Ира и тихо спросила меня: - А ты где так научилась?

- Чему?

- Ну, откачивать.

- Папина школа.

Ира с любопытством посмотрела на меня, наши глаза встретились. Она скупой улыбнулась.

Я бы очень хотела дружить с такой девчонкой.

Ещё один день начался, как всегда, вот только подъём проводила другая воспитательница, их же у нас две. И если Липучка открывала шторы и начинала над каждым нудеть: «Вставай. Я кому сказала, вставай», то эта, Репа, включала свет и орала: «Подъём!»

Репа вечно была раздражительной и уставшей.

В тот день я пришла в школу пораньше. Села, положив руки на парту, а на них голову и задремала.

Ребята постепенно наполняли класс. Подошла Нина, села рядом. Достала косметичку, зеркальце, принялась поправлять макияж.

- Привет! Опять в глазах тоска, - сказала она, хлопнув коробочкой румян.

- Привет. Нет, просто опять не выспалась.

- Странно, у вас же режим. Свет выключают. Или как свет выключили – жизнь закипает?

- Бурлит. Мечтаю о своей комнате. Вот такой маленькой (пальцы кружком), чистой, уютной... и я бы там одна жила. Жила, жила.

- Слушай, приходи на выходные к нам.

- А кто разрешит?

- Я маму попрошу. Нет, лучше отца. Он у меня красавчик - никакая мымра не устоит.

- У нас не мымра, у нас – Матильда, - сказала я, - а Матильда устоит, зубы сцепит, но устоит, ради нашей безопасности.

Подошла Сабринка.

- Привет. Куда собрались?

- Да вот зову к себе в гости.

- А что к себе? Давайте, организуем классную вечеринку.

- Стоит подумать, - говорит Нина и идёт с ручкой и тетрадь в руках к отличнице на первой парте, над которой уже нависли несколько человек, и быстро с тетради, лежащей перед ней, что-то списывают.

- А что думать? Свежая мысль. В этом году ещё и не встречались в неформале.

Я пожала плечами.

- Как я понимаю, ты мне в этом деле тоже не помощник?

Я отрицательно покачала головой.

- Ладно, беру всё на себя.

И Сабринка весь урок шепталась, писала записки. Даже умудрялась позвонить.

К концу второго урока свежая мысль обросла списком тусовки, идеей «у кого собраться» и калькуляцией «во сколько это обойдётся».

Осталась открытой проблема: как уговорить Нинкиного отца, соврать нашей Матильде, что у его дочери лишний билет в театр, а пойти она хочет со мной, такой милой девочкой.

Нинка позвонила отцу на перемене, и тот легко согласился на ложь, толи природные наклонности имел, толи меня, бедную сиротку, пожалел, а вернее всего, ни в чём не умел отказывать единственной доченьке.

На большой перемене, когда мы с Сабринкой обсуждали классную тусовку, в коридоре меня остановила Ира: «Поговорить нужно». Сабрина посмотрела на неё удивленно и отошла от нас.

- Случилось что-нибудь? – спросила я.

- Да, нет пока.

Мы отошли к окну. Ира забралась на подоконник. Мимо проходила учительница, кажется начальных классов.

- Встань с подоконника, - приказала она Ире.

Ира продолжала сидеть, как будто не слышала. Учительница остановилась возле нас.

- Я кому сказала, слезь, - сказала она и зло спросила: Ты что не слышишь?

Ирка и бровью не повела. Мимо проходил Стас и, конечно, другие ребята.

- Ну, встань, пожалуйста, - попросила я Ирку. Мне было ужасно стыдно перед Стасом, хотя он сделал вид, что ничего не видит.

Ира продолжала сидеть. Я покраснела и отвернулась к окну.

Учительница уже во весь голос:

- Ты меня, что не слышишь? Я тебе сказала, встань!

На подоконнике никакого движения.

Со словами: «Что за уроды, эти детдомовские, выродки какие-то!» учительница ушла. Уходя, она громко возмущалась.

- Если начнут про Стёпку спрашивать, ты не говори, - продолжила наш разговор Ирка, как ни в чём не бывало, - а то его сразу в психушку отправят, а там ему конец. Да и не выдержит он всего этого один. Нужно с ним быть рядом.

Я кивнула согласно.

- И не смей мне больше никогда указывать: сидеть мне или вставать.

На этом и разошлись.

Я готова была уже отказаться от вечеринки, если бы до этого не увидела в списке фамилию Стаса.

На уроке предложила пригласить с нами Ирку. Девчонки переглянулись, и Сабринка молча дописала внизу тетрадного листа с колонкой фамилий - Смирнова И.

Вечером в комнате и до этого, во время ужина, обсуждали побег Кеши. Главный вопрос - «Холодно, где он может жить?»

Одно из предположений удивило меня, нет шокировало. Кто-то сказал, что он может скрываться у Пашкиной стюардессы.

- У какой стюардессы? – мои круглые глаза.

- У грудастой, - Иркин ответ.

Оказывается, Пашка, а иногда и с Кешей, периодически исчезал на несколько дней из дедика, и Кешка как-то проболтался, что у его друга есть стюардесса. Матильда об этом, конечно же, знала и, кажется, только посмеивалась.

«Что Пашка делает с этой взрослой девушкой, и зачем этой грудастой извращенке детдомовский пацан?» - очередная мысль, которая застряла у меня в голове на весь следующий день. Мысль «Зато Кеше есть, где остановиться» - слабое утешение.

Утром, когда мы с девчонками стояли на школьном крыльце, подъехала красная спортивная машинка. Крутая. Из неё вышел Стас, потянулся, пружинисто попрыгал на двух ногах, обошёл машину и открыл вторую дверцу. Джентельмен. Появилась Ника. Как всегда красавица.

- Он, что привозит её в школу? – спросила я.

- Они спят вместе, - ответила Сабринка.

- Она, что у них уже живёт?

- В смысле, у них? Он сам живёт здесь в своей квартире, - сказала Нинка.

- Он, что сирота? – удивилась я.

- Ты что, Маша, даун? – Нинка. – Его родки на Райском острове живут, а здесь у него квартирка.

- У богатых жизнь своя, - смеётся Сабринка.

Так, у Пашкиной стюардессы появился сосед.

Кешу не нашли, по тому, как реагировал на эту ситуацию Пашка, поняла: не так всё безнадежно. Пашка все дни пропадал в спортзале, иной раз не ходил и в школу. Странно, но на это смотрели сквозь пальцы. Вечером, после отбоя, приходил ко мне уставший и какой-то потухший. Говорить ни о чём не хотел. Я не удивлялась. Мы молча сидели на подоконнике.

Заканчивалась четверть. Подготовка к классной вечеринке без повода шла полным ходом.

Нинка попросила свою маму заняться моим прикидом на этот вечер, не знаю, то ли из добрых побуждений, то ли, чтобы отвлечь от себя скучающую родительницу. Или я оказалась благодатным материалом, или Нинкина мама по своей сути была талантливым человеком, но я превзошла все её ожидания. Главное – макияж меня слегка взрослил.

Ирка отказалась от нашего приглашения и правильно сделала.

Вечеринка обещала быть классной, но как-то все быстро и сильно опьянели, и стало не весело. В разгар тусовки появился Стас с Никой. Глядя на неё, все понимали, что украшает не только скромность. Ну вот, а Сабринка говорила, что это закрытая вечеринка.

Я гордо не замечала Стаса, я даже не смотрела в его сторону, хотя мне с трудом это удавалось. От моей гордости остались одни обломки, когда мы столкнулись с ним в дверях. Наши взгляды встретились. Худшее, что я могла сделать – это покраснеть.

- Привет, – сказал он и улыбнулся.

Он стоял совсем рядом, смотрел мне в лицо и улыбался. Между нами появились какие-то невидимые магнитные волны, я только так могу определить то, что почувствовала. Я физически ощущала их.

- Привет, - сказала я и отвела взгляд. Мимо проходила Сабринка.

- Сабрина, подожди, - вцепилась я ей в руку.

Я вела себя, как полная идиотка. Но это я сейчас понимаю, - а тогда готова была выпрыгнуть с восьмого этажа, на котором мы находились.

Включили медленную музыку. Я встала и пошла через зал, чтобы выйти на балкон. Стас шёл навстречу. Между нами появилась Ника, слегка пьяная и неотразимая. Стас обошёл Нику и направился ко мне. Я таращила глаза и тупо улыбалась, ощущая нереальность происходящего. «Потанцуем», - взял он мою руку.

От него у меня голова шла кругом. Как волна, набегал жар. Нежность, счастье, отчаянье. Я, как замороженная, смотрела на его лицо. Лицо было рядом.

- Тебе нравится такая музыка? – спросил Стас и сжал мои пальцы в своей руке. Его голос был похож на голос гипнотизёра, а я - на муху-цокатуху, которую злодей Паучок в уголок поволок – погубить.

- Моя любимая песня - «Отцвели уж давно хризантемы в саду», - охрипшим голосом соврала я. Папа говорил, что эта песня нравилась маме.

После этого танца Стас с Никой исчезли.

«Смотри, не встрянь», - сказала Нинка, когда мы с ней поздно ночью вернулись к ним домой. Нинку слушала рассеянно: я была счастливой.

Остаток ночи не спала: переживала свои ощущения. «Разве такой парень может меня полюбить», - думала я. И эта мысль приводила в отчаянье. Я даже немного всплакнула в подушку. И это не были слёзы невообразимого счастья.

Утром Нинку невозможно было растолкать, поэтому чай на кухне мы пили вдвоём с её мамой. Я в деталях и в лицах рассказывала о вечеринке, о том, каким её дочь пользовалась успехом, как робко ухаживал за ней долговязый интеллектуал. Тощий хиляк с претензией на особенность, опьянел с полбутылки пива, и Нинка, стиснув зубы и не проронив ни слова возмущения, дотащила его до такси и с трудом уговорила таксиста, хорошо переплатив, довести эту жердь по указанному адресу.

При выходе Нинкина мама сунула мне деньги: «Возьми на карманные расходы. Купи себе косметику». По пути все свои карманные деньги трачу на увесистый пакет сосисок и ветку бананов. Степа любил бананы.

- Лучше не ввязывайся. Тебе же дороже, - сказала Ника через день после вечеринки, остановив меня на перемене прямо у дверей моего класса и уставившись тяжёлым взглядом мне в лицо.

- Ты меня предупреждаешь?

- Я тебя, – пауза, - очень и очень предупреждаю.

- В смысле ты мне угрожаешь?

- Ты чё, тупая? Я тебя предупреждаю. У вас разные весовые категории, девочка из детдома, - усмехнулась она. – Тобой поиграют, как мышонком, и хрустнешь на зубах.

На нас стали уже обращать внимание, но разговор был исчерпан, и мы разошлись.

Однажды вечером Пашка сказал, что не знает, как быть с Кешей: скрываться бесконечно проблемно, а переломить Сыча им не под силу.

- Ты веришь только в силу? – спросила я.

- Я верю в силу.

- А что ещё имеет вес?

- Деньги.
- Нет, - я покачала головой, - есть ещё что-то.
- Что? Обозначь.

Я постеснялась сказать ему, что наши отношения имеют силу, поэтому сказала, об их дружбе с Кешей. Пашка промолчал, только потому, что ему было лень разговаривать: он, как всегда в последнее время, был ушатанным и озабоченным.

- А, допустим, есть нормальные деньги, чтобы ты сделал, вот конкретно в этой ситуации?

- Я бы тогда и подумал, а что сейчас зря балаболить.

Бывает, просто диву даёшься, насколько люди не умеют думать. Пашка к этой категории обделённых не относился: думать Пашка умел. От этого он возомнил, что всегда прав и что в любой ситуации есть выход, нужно только ему, Пашке, пораскинуть хорошенько мозгами.

Итак, с того дня я стала думать, где взять нормальные деньги.

Учебная четверть заканчивалась. Снег, выпавший в октябре, превратился в грязь. Было сыро и уныло.

Я несколько раз по электронке отправляла Наташе, дочери моей мачехи, которая, кстати, вышла за это время замуж, сообщения с вежливой просьбой, а иной раз и с убедительным требованием: забрать меня на каникулах к себе.

Но они созвонились с директрисой и получили её согласие на моё посещение «родного дома», только после того, как им позвонила Нинкина сердобольная мать.

Наташин муж появился утром первого дня каникул. С серьгой в левом ухе, с перстнем-черепом на пальце, в дорогом костюме. И это правильно. Наша Матильда должна чувствовать, что она передаёт меня не в абы-какие руки, а людям по статусу достойным.

Вначале этот переодетый металлист мрачно насторожился, но постепенно мы с ним разболтались. И всю дорогу гнобили панков и готов, которых я тоже не очень уважала.

«Дома» праздничный стол мне не накрывали, но и не очень-то надеялась.

- Исчезну на весь день, - сказала я Наташе утром, ставя пустую кофейную чашку в раковину на кухне.

- Ты смотри там. Без эксцессов, пожалуйста.

- Наташ, я же не из зоны вернулась.

- Нет, конечно, но ты, же понимаешь, мы за тебя поручились. И если что...

- Наташ, ты что-то попутала. Это тебя, а не меня, папа откуда-то привёл в этот дом.

Наташа отвернулась, сильно покраснев то ли от злости, то ли от воспоминаний.

Ещё с вечера я позвонила Никише, и попросила отвезти меня на встречу с подругами. Я не сомневалась, что она проспонсирует этот небольшой девичник, поэтому встретиться Янке и Ульяне предложила в довольно таки приличной кафешке.

Никиша, как и я когда-то, жила в коттедже за городом, но полной семьёй: с родными папой и мамой, старшей сестрой и огромной собакой, свирепой на вид, но с вечно грустными и бесконечно добрыми глазами.

Мы не успели пообщаться, но я достаточно уже знала о ней, чтобы удивиться её контрастам: прикид имела крутой, вела себя вызывающе, но с парнями легко покупалась на сентиментальную клюкву, верила в историю «и жили они долго и счастливо, и умерли в один день». Одним словом, представляла собой убедительное подтверждение известного мнения, что собаки похожи на своих хозяев.

Я не успела с ней подружиться, но она мне нравилась.

Посиделки удались: встреча была тёплой, но как-то мне было неинтересно. Какие-то пустые разговоры, смешные проблемы.

К моему дому мы подъехали затемно. Когда вышли из машины, Никиша сняла с себя и протянула мне куртку.

- Ну, пока, - сказала я и обняла Никишу.

- Пока. Что дальше планируешь?

- Планирую? Выплывать. Осмотрюсь, пережду и начну потихоньку.

- С нами Бог! Меня всегда имей в виду.

Мы ещё раз с ней обнялись, и я позвонила в калитку. Открыл мне Наташин муж, прежде долго подзывал, а затем где-то закрывал шоколадного добермана. Я никогда раньше не видела собак этой породы коричневого цвета и таких тупых, как этот, тоже не встречала.

Вечером устроилась поуютней в кресле и надеялась поразмышлять в одиночестве, когда ещё в ближайшие годы мне это удастся, но тут появился брат моей мачехи. Удивительная способность у человека: появляться тогда, когда это только ему одному нужно.

«Ладно, выплусь в дороге», - решила я и стала делать вид, что внимательно слушаю

Наташкиного дядю. Неужели так трудно догадаться, что мне могут быть не интересны его размышления о жизни. Тем более жить то я планирую совсем не так, как он. Это всё от самодовольства, а тупость она всегда довольна собой.

- Поняла? – последний раз спросил он меня, выходя из гостиной.

- Поняла, - с облегчением кивнула я. И я впервые подумала, что у отца ведь остался не только этот дом. И кто здесь тупой?

В «Надежду» я возвращалась на следующий день поездом. Когда уже выходила из дома, Наташа протянула мне аккуратный белый конвертик.

- Возьми, пожалуйста, пригодятся.

- Нет, - я отстранила её руку. – Спасибо.

И, поправив сумку на плече, вышла. Я, конечно, взяла бы эти деньги, если бы до этого не взяла в мачехином тайничке, в подвале, серёжки, два кольца с бриллиантками и пару миленьких браслетиков.

Утром с удовольствием надела Никишину куртку. Правда, та была великовата, но ничего – это мелочи. Главное – куртка классная, а в клёвых тряпках чувствуешь себя куда как увереннее, а это как раз то, что нужно в решении многих проблем.

В девять тридцать местного времени вагон, дернувшись, бесшумно тронулся с места, мимо поплыли здание вокзала, ларьки и люди на перроне. Прощай, мой город, с детства знакомый и родной.

Колеса мерно стучали. За окном сплошные леса да рощи, изредка разрываемые небольшими посёлками, где блёклые от старости и весёлые новые дома стояли вперемежку. До чего же много всех этих селений в России, а уж сосен и берёз - немерено.

Я лежала на верхней полке и сквозь дремоту думала.

Мне не так уже одиноко и страшно. У меня есть друзья. У меня есть Стас.

Стёпку на каникулы забирала Липучка. Я ездила домой. Всё остальное в семье №8 без изменений.

Я показала Пашке драгоценности.

- Настоящие? - спросил он.

- А ты на зуб попробуй.

- Чистые?

- В смысле? – не сразу поняла, о чём он. – Ты, что думаешь, я их украла?

Пашка пожал плечами.

- Вот ни фиги себе. Это мачехины, а куплены они на деньги моего отца.

Пашка выбрал то, что он решил, подойдёт, а остальные вещички я отдала на хранение Сабрине, сказав, что это украшения моей мамы.

- Если получится, то здесь хватит и отмазать Кешу за побег.

- Ты Фараону их предложишь? – проявила я смекалку. Так, на всякий случай.

Пашка промолчал.

Пожалуй, обойдусь и без знания ответа на этот вопрос.

«Вернулся», - через несколько дней в коридоре сказала радостно мне Очкарик, указав на дверь игровой.

Я заглянула в игровую. Кеша тасовал карты.

«Привет!» – сказала я ему.

Кеша послал воздушный поцелуй.

Вот она сила денег, хотя не только их: не будь у Кеша «усыновлённого» им Пашки, кто бы придумал, как его отмазать. И ещё – не повредит чаще думать.

Началась вторая четверть. Сколько я себя помнила, у меня не было проблем с успеваемостью, но когда в конце первой четверти заглянула в классный журнал – поразились: сплошняком стояли тройки. Откуда они взялись, никто из учителей вразумительно не смог объяснить или не считал нужным.

В школе просто тупо ставили тройки всем детдомовским. Приз для дураков.

Особенно болезненно на моё негодование отреагировал Иван Александрович, наш учитель физкультуры. Он громко пытался убедить меня, девочку, которая много лет занималась художественной гимнастикой и любила полазить по горам, в неспособности сделать двух прыжков на одной ножке. Я не сдавалась.

И физрук назначил мне зачёт. После шестого урока поплелась в спортзал. В раздевалках было пусто и тихо. Из зала в открытую дверь были слышны одинокие удары мячом. Видать, ещё одна жертва спортивных школьных стандартов. Я переделась в шортики и белую футболку, вошла в зал. Там, перед баскетбольным кольцом, бегала до боли знакомая фигура и била мячом об пол. Стас повернулся и вначале просто помахал рукой, а потом подошёл ко мне.

Я, подпрыгнув, попыталась сесть на «коня». Стас приподнял и усадил меня на него.

- Ты такая лёгкая, - сказал он при этом.

- Да, древние греки и не заметили бы меня.

- Привет, - прозвучало неожиданно. Это, как всегда тихо, как бы ниоткуда появился Кеша.

Следом появился физрук, с аппетитом что-то дожёвывая.

Пока, не по- спортивному габаритный Иван Александрович изошрённо издевался надо мной, выдумывая всяко разные задания, Кеша гонял со Стасом мяч. Затем, когда я получила омытый моими слезами и потом зачёт, он попрощался за руку со Стасом и с физруком. И мы пошли домой. По правде говоря, никто не понял: зачем он приходил.

Несколько дней спустя, мы с Ирккой вышли из школы вместе, ещё в гардеробе я заметила, что она сменную обувь держит под мышкой.

- Бросай, - раскрыла я свой пакет. Это был хороший повод пообщаться.

В фойе детского дома вошли вместе. И сразу же наткнулась на недобрый взгляд охранника Бельмандо. Мимо торопился наш Виталя.

- Куда бежим? – спросила Ирка.

- В спортзал.

Виталия показал в направлении спортивного зала

- Ты Пашку не видел? – спросила я.

- Там же, - на бегу ответил он.

Я предложила Ире:

- Пошли, сходим к Пашке, а то у него всё тренировки, да тренировки, и в школе совсем не бывает.

Ира согласно кивнула, и мы направились в спортзал.

- Слушай, видела, как Бельмандо смотрел? Аж зубами щёлкал? - спросила она.

- Да, последнее время он так смотрит на меня, что у меня мороз по коже.

- Скажи Пашке.

- Не-а, не хочу его напрягать.

В спортзале шумно. Там ребята-подростки тренировались: одни отжимались от пола, другие дубасили по «груше». Виталия прыгал через скакалку. Высоко под потолок раздавались команды физрука Игоря – крепкого, мрачноватого парня с лысым черепом.

На тренажёре со штангой - одиннадцатиклассник, среднего роста крепыш. Возле него физрук:

- Давай, давай. Качайся, сопляк, не сачкуй.

На ринге боксировали Пашка и старшак Толя. По Пашкиному лицу струйкой бежал пот. Через время он увидел нас с Ирккой, тут же резко выбросил руку вперед и попал Толе в лицо.

У того из носа побежала кровь. Бой прекратился.

Пашка подошёл к нам, вытираясь грязно-серым полотенцем. Стал в боксёрскую стойку и шуточно нанёс Ире удар под дых. Та ударила его в грудь. Пашка хотел одной рукой обнять меня, но меня, аж передёрнуло от брезгливости.

- Даже так? – обиженно удивился Пашка. Если честно, то я и сама не ожидала от себя такой реакции.

- Ты где пропал? – спросила я.

- Дела.

- А что в школу не ходишь? Выпускной класс, а ты, то качаешься, то носы разбиваешь.

- А тебя, что, девочка, прикрепили ко мне? Будешь со мной уроки делать на дому?

Приходи вечером в спальню – позанимаемся.

Я отвернулась, хотелось разреветься.

- Да ладно тебе. На неё вон Бельмандо зверем смотрит, - сказала ему Ирка.

Пашка вопросительно посмотрел на меня, но я стала разглядывать тренирующихся ребят.

- Эй, вы там чего базар развели? – спросил физрук и угрюмо сказал Пашке: - Давай сюда.

Пашка, не проронив ни слова, пошёл в середину зала, а мы к выходу. В дверях оглянулась: Игорь показывал Пашке какой-то удар. Тот стоял, набычившись, смотрел на физрука исподлобья.

- И чё психуешь? – спросила Ирка, как только мы оказались в коридоре.

- Не знаю, как тебе это объяснить. Вот увидела я эту кровь из носа, и так мне противно стало. (пауза) Такой Пашка сразу чужой и неприятный.

- А если бы Стас разбил кому-нибудь нос? - спросила Ирка, а у самой лицо злое и какое-то напряжённое.

- Причём здесь Стас? - психую я. – Просто Пашка как-то обыденно нос разбил, кровь пустил и всё в шоколаде.

- Это бокс. Всё здесь по правилам, - сказал Ира, и лицо её расслабилось. - Толика

никто за руки не держал, пусть бы защищался.

- Мне кажется, кровь не может быть по правилам.

- Нет, это честная кровь.

- Честная кровь? Хм, нормально сказано.

«А если бы Стас разбил нос, - думала я, пока мы шли в комнату, - какой была бы моя реакция? А почему?»

До самой комнаты мы с Ирккой не разговаривали. Вошли, а там ссора.

- Нет, я не буду убирать - со слезами на глазах кричала Валя Аньке. - Я и так всё сама сделала. Если ты старше, так совсем наглеешь.

- Быстро пошла и сделала, зассанка, - голосом нашей Репы приказала ей Анька.

У Вали растерянное лицо. Она сначала всхлипнула, а затем, закрывшись руками, разревелась. Ира резко повернулась и ударила Аньку.

- Закрой рот, овца!

У Аньки из носа тоненькой струйкой потекла кровь. Она вытерла нос рукой, посмотрела на свою кровь на ней. Криво усмехнулась и вышла.

- Что, как у Раскольниковца, разрешение крови по совести? – спросила я.

- Раскольников? Кто такой? Где-то я слыхала.

- Да так, один чувак. Разрешил себе убить старуху, которая скупала за копейки у бедных вещи.

- А-а. Тогда он - наш пацан.

Я взяла полотенце и вышла.

Зашла в мойку, а там Анька курит.

Ополоснула лицо, стою с полотенцем в руках. Анька протянула мне сигарету. Взяла её, подумала: может закурить, но не закурила. Я вообще-то курю редко.

- Хорошие сигаретки, - сказала я и подумала: «Откуда у тихони Аньки такое курево?»

- Ну, ты вот скажи, это честно? – всхлипывая, спросила она.

Что-то мне на неё и смотреть не хотелось, но я была согласна – не честно.

- Ну, ведь я сказала правду, – продолжала она, - Валька же ссыт. Липучка каждый день её половички домой носит, стирает, но всё равно все знают, что Валька в постель ночью ссыт.

- Да? А я и не знала (пауза). Вот я думала, что сволочами от слабости становятся, а, оказывается, от дерьмовости.

- Ну, конечно, ты права, а кто не согласен – кулаком по морде или гвоздём в бок.

- Между прочим, тебя никто за руки не держал. Могла бы, и дать Ирке сдачи.

Смяла Анькину сигарету и бросила её в корзину для мусора под раковиной.

- А Вальку не тронь, овца, - сказала я ей, уходя.

Вечером, после отбоя, когда я на цыпочках вышла к Пашке, он и словом не обмолвился о наших рамсах в спортзале.

- Дай обниму свою маленькую доченьку, – начал он, как всегда, свои обнимашки.

- Привет. Что хотел?

- Что это Ирка говорила про охранника? Он приставал к тебе?

- Нет. Давно тогда спрашивал, за что я в изоляторе сидела? Я дурой прикинулась. Сказала, что курнула вечером и меня слегка глючило, а воспитка меня сдала.

- А мне, почему не сказала про тот базар?

Я пожала плечами.

- А сегодня что? – не отставал от меня со своими расспросами Пашка.

- Вот уже пару дней смотрит с такой ненавистью. Будто волк в засаде.

Пашка молчал.

- Ну, я пойду, Паша, а то у меня ноги замёрзли.

- Подожди, вот на всякий случай, - сунул мне Пашка что-то тонкое и гладкое в руку.

Рассмотрела, а это авторучка в металлическом сером корпусе.

- Что это?

- Это обыкновенная ручка для самообороны. Если что, не размышляй - бей со всей силы, - на полном серьёзе, пояснил он.

- Забери. Ты что можешь представить, что я этим человека ударю?

- Это для самообороны. Возьми и пообещай, что всегда будешь её носить с собой.

- Бред какой-то, ты, что не слышишь, что говорю?

Пашка чмокнул меня в щёку:

- Давай, пока, доченька.

И быстро, и бесшумно ушёл.

Я верчу ручку, передёргиваю плечами и опять на цыпочках вхожу в комнату.

Бельмандо не просто так озлился, - поняла я. - Он имеет прямое отношение к тому, что я видела за окном. А кто же мог рассказать ему обо мне?

«Предали. Эти слабаки предали», - сказал Кеша, когда я поделилась с ним своими размышлениями. Худой и психованный Кеша в свои пятнадцать уже знал кое-что о предательстве.

А я так не думала. Я думала, этот человек не за тридцать сребреников согласился предать, он из страха смог это сделать. И я на него не в обиде. Клянусь.

И ещё я думаю, что это мог не выдержать Стёпка.

Ручка пригодилась через несколько дней. В школьном коридоре мне встретились Ника и Лерка, с ними была ещё одна блондинка.

- Ну-ка тормози, - сказала мне Лерка. А я, как назло, шла одна.

- Это та детдомовка, - сказала Лерка Блондинке.

- Фи-и, - сморщила та свой красивый носик.

Толпа спешащих на урок обходила нас, даже не задев. Ника стояла передо мной, а взгляд её равнодушно скользил по проходившим мимо.

- Вы что хотели, девочки? - спросила я.

- А ну давай, поговорим, - психанула Лерка и, схватив меня как котёнка, толкнула в дверь туалета. Он был как раз напротив. «Всё им на руку», - подумала я, но испугалась не сильно: не убьют же они меня в конце концов и не изнасилуют.

- Вышли все, - сказала Лерка. И девчонки поспешили из туалета. Но одна упёрлась, хотя делать ей уже там было нечего.

•Быстро вышла, коза, - заорала на неё Блондинка.

Девчонка не тронулась с места.

«У каждого всегда есть выбор, - подумала я, - смыться или упереться». Девчонка выбрала - упереться.

- Выйди, пожалуйста, нам нужно поговорить, - сказала ей Ника, и девчонка пошла к двери. На меня ей было наплевать: каждый сам отстаивает свою территорию. Я нащупала Пашкину авторучку в кармане Никишиной куртки.

- Зачем тебе это? Куда ты-то ломишься, детдомовка? - с болью в голосе спросила Ника. И её боль так была похожа на настоящую.

- И ещё эта гламурная киса, - сказала Лера.

«Какая ещё Киса? - запаниковала я. - Мне тут и Ники хватает».

У Лерки на лице гримасой душевных мук отразилась вся та арифметика, что сложилась у неё в голове: я, Ника, Гламурная Киса и ещё бог весть, сколько всяких кис.

- Занято, - заорала Блондинка кому-то в дверь. По ходу она здесь для того, чтобы орать. Есть такое понятие как «защитная окраска», правда, это у животных, а у Блондинки был «защитный ор». Негусто.

Зазвенел звонок на урок.

Лерка заматерилась и размахнулась – ударить меня по лицу. Я резко отшатнулась, если ей позволить это сделать, то её уже ничем не остановишь, и придётся делать, как требовал Пашка: бить со всей силы.

- Ну, ты, - сказала я ей и добавила ещё кое-что поувесистее. На меня попыталась накинуться со спины Блондинка, но я опять резко отскочила в угол и оттуда, как зверёк, прошипела:

- Убью, - и добавила несколько слов, которые сама терпеть не могу. В руках у меня была металлическая авторучка. Я не знаю, может она выглядела так угрожающе или моё лицо, но девчонки замешкались: всё-таки перед ними детдомовская, а кто им там объяснял правила ведения честных переговоров?

• У меня плохо со зрением или с математикой? – сказала спокойно Ирка.

Мы и не заметили, как она вошла.

- Раз, два, три, - посчитала она девчонок. – Трое на одну? Уродки.

На «уродки» Блондинка отреагировала громким матом, а Ника - равнодушным взглядом сверху вниз.

- А тебя ..., - сказала Лерка, что в переводе на нормальный язык значило: не суйся, если тебя не трогают.

«Бог меня хранит, - подумала я. - Всегда в трудную минуту появляется рядом спаситель». Или кто-то из наших, - подумала я свою мысль, когда увидела в коридоре, возле окна, Кешу.

Ника тепло поздоровалась с ним, а Лерка чуть ли не расцеловала. Нормальным парням разбираться с девчонками всегда запахло.

Не хотелось никаких разборок. Так хотелось пожить спокойно.

«Конечно, Маша, поплачь. Пожалей саму себя», - думала я, когда мне на парту лёг треугольник чьей-то записки. Развернула.

«Плюнем на всё и поедем кататься?!» - было написано в ней. Кто? И тут же замерла, чтобы не спугнуть свою догадку. Я хорошо знала его почерк, но не могла поверить, поэтому только через время осторожно повернулась к окну.

Стас смотрел на меня. «Ну, что договорились?» - спросил он.

О чём договариваться, когда и так всё ясно? Стас предложил слинять с уроков и встретиться в сквере на углу, недалеко от школы, через полчаса.

К скверику Стас подъехал на своём мотоцикле. На нём – завязанная на затылке кожаная бандана, чёрная «косуха». Плотно прилегающие очки.

Протянул мне шлем.

- Ты байкер? – спросила я Стаса.

- Э-э. Нет. Я обычный мотоциклист.

- В смысле?

- У меня общего с ними – мотоцикл.

- Но это и есть главное. Разве нет?

- Есть ещё совместные тусовки. В общем, они как бы братья по крови, а я одиночка. Я вообще не люблю толпу.

- Понятно. Мотоцикл для тебя это не понты.

- Ну да, не для статуса.

- Понятно.

- Чем ты мне, Маша, нравишься, так это тем, что легко понимаешь.

Мы гоняли с ним за городом, по каким-то ему знакомым безлюдным дорогам.

Когда остановились полюбоваться, он сказал, что это – самые красивые места в пригороде.

- А мне нравится район на окраине – последняя остановка тринадцатого автобуса, - сказала я ему. – Я езжу туда, во дворе посидеть.

- Тридцать первый, - сказал он.

- Что?

- Это тридцать первый микрорайон. Там одни гопники живут.

- Это почему же? Там, знаешь, классно.

- Ну, там заводской район. Сплошная гопота.

- Ну, если так, тогда значит, мне очень нравятся гопники.

- Ну и упёртая ты, Маша, - засмеялся Стас и, шутя, хлопнул меня по плечу. Я толкнула его. Он схватил меня в охапку и закружил.

-Ой, уронишь. Осторожнее, - делано пугалась я. В горле булькала нежность.

Вечером Ирка рассказала, что видела, как в фойе охранник Вадик остановил Кешу. О чём они говорили, она не расслышала, но лицо у Сыча было злобным.

Ирку тоже слушала рассеянно: обычные детдомовские рамсы, а я была счастливой.

На следующий день в школе Стас протянул мне диск.

- На, держи любимые твои романсы, - сказал он. – Эти стилизованы в джазовой современной аранжировке.

- А-а-а, - сказала я.

Тут же надо мной навис Кеша. Настороженное лицо.

Наконец-то я догадалась: Кеша меня попросту пас. Объяснил бы, в чём тут дело? Ну не влюбился же он в меня?

То, что нет, не влюбился, скоро стало ясно. В нашем классе появилась новенькая: перешла из соседней школы. Что её заставило сделать это в середине учебного года – дело личное, но девчонка была премиленькая. Небольшого роста. Голубые глазки, вьющиеся волосы до плеч...

В общем, Кешу повело от такой нежности и хрупкости, и он сломя голову принялся защищать и оберегать даму своего сердца, хотя этой дюймовочке ничего не угрожало.

Она просто не в состоянии была вызвать у кого-нибудь неприязнь, а уж зависть, тем более. Да и как-то никто рядом не собирался претендовать на её внимание и благосклонность. Кеша вздыхал, маялся. Требовал от меня советов, как влюбить в себя красавицу. У меня жизнь сердца была небогатой, а такой же опыт говорил, что нужно быть высоким, стройным, загорелым, белозубым. Одним словом, красавчиком. Так что Кеше я ничем не могла помочь, разве что искренним сочувствием, но это на нашем базаре дорого не стоило.

На выходные старших детдомовцев вели в театр. Руководила этим прикосновением к прекрасному наша Очкарик. И я предложила Кеше пригласить свою Дульсинею с нами. Наконец-то, я смогла дать Кеше стоящий совет.

Перед походом в театр Кеша притащил в комнату целый ворох одежды. Я выбирала из него нужные вещи, примеряла их Кеше. А он смотрел так преданно и доверчиво, как будто от меня зависела его дальнейшая жизнь. Смешной Кеша.

В понедельник перед самым звонком на первый урок к нам зашёл пацан из параллельного класса.

- О! Ну как спектакль? - спросил он на весь класс, увидев Кешкину любовь возле парты. – Что любовь-морковь? – заржал пацан над покрасневшей девчонкой. Все стали с интересом смотреть на них.

- Эту парочку вчера в театре видел, - стал рассказывать он всем. – Сидят, как настоящие.

Кешка сразу полез драться, а эта начала кричать: «Не ври! Чё ты сочиняешь?!. Чтобы я, да с этим детдомовцем...» Кешка схватил сумку и сорвался из класса. Я подошла и толкнула её, она плюхнулась на стул, но тут же подскочила, состроив решительную рожу.

- Закрой рот, овца, - я еле сдерживалась, чтобы не врезать по этой роже. – Ты теперь на всю жизнь мой враг. Помни об этом.

- Сама заткнись, поберушка детдомовская!

- Но ты, осторожнее, – это подошли ко мне Нинка с Сабриной.

Девчонка скривилась, её смазливое личико задёргалось. Она схватила сумку и быстро вышла, всхлипывая. Зазвенел звонок. И все молча разошлись к своим партам. Кешка говорил, что у девчонки нет отца, а растят их с братом мама и бабушка. Мама работает на почте. Бабушка вяжет, а мама в выходные дни продаёт эти вещи. Да, не все умеют любить, и не все умеют выдержать «неравные отношения». А вот я бы смогла, это точно.

Разборки в туалете достигли ушей нашей классной. И Виолетта без лишних расспросов отправила меня к завучу Ольге Алексеевне, добавив: «Смирнова, можешь тоже к ней присоединиться, потому что без тебя там точно не обошлось».

После уроков отправилась в кабинет завуча школы, где получила доверительный совет: держаться подальше от всех школьных разборок и стараться получить хороший аттестат.

В коридоре, возле кабинета завуча, когда я вышла оттуда, меня ждали Ирка с Кешей.

- Ну, что? - спросила Ирка.

- Я пожаловалась Ольге Алексеевне, что детдомовским ставят одни тройбаны. Я стукачка?

- Нет. Ты стукачок, - сказал Кеша, и мы пошли в дедик, забыв обо всех неприятностях этого школьного дня, а в «Надежде» нас ждали неприятности покруче.

Матильда всё-таки узнала о Стёпке и его отправляли в другой детский дом. И ещё, говорили, что Липучка чуть ли не в ногах валялась: просила, чтобы его оставили. А наша Очкарик написала в отдел образования жалобу на директрису, но уволили её саму.

Когда Стёпка уезжал, он мне выдал тайну: это Анька рассказала про него Репе, и ещё она проболталась Бельмандо, и он теперь знает точно, за что меня тогда отправили в изолятор. И Кеша знает об этом. Стёпа взял с меня клятву, что я никому не расскажу про Аньку, а просто буду осторожнее. Щедрый и великодушный Стёпка.

Один раз, после отбоя, к нам в комнату заглянула девчонка из старших.

- Машку к телефону, - сказала она, не глядя на меня.

- Меня? – удивилась я, а сердце моё затрепыхалось в надежде: Стас?

- Мне чё, сто раз повторять? - сказала она и исчезла.

- Странно, - удивилась Ирка, – никогда старшаки не бывают на посылках.

Я быстренько оделась и побежала вниз, на вахту, где был телефон. И ещё услышала Валькино вслед: «Оделась бы теплее – внизу дубак».

Дежурил Вадик, он держал телефонную трубку и ухмылялся. Я передёрнула плечами: точно холодно. Потянулась за телефоном.

- Тормози, - сказал Сыч и схватил меня за руку.

- Вы что? Отпустите, пожалуйста, - вырывалась я.

Вадик дёрнул меня так, что я, как тряпичная кукла, отлетела от стойки дежурного. И тут же, молча, толкнул в бытовку, в комнату для техперсонала.

В ней, развалясь, полулежал на диване Бельмандо и смотрел телевизор. Порнофильм. Рядом на столике – гора пивных банок.

Мне стало так страшно, как никогда в жизни не было. Пашкина авторучка здесь бы не помогла, даже, если бы я её и не оставила в кармане куртки.

- А-а-а, старая знакомая. Проходи.

Бельмандо так мне обрадовался, как будто я была ему родной тётей.

Сыч схватил меня за подбородок, и пол моего лица оказалось в его лапе.

- Дрожишь? – спросил он. И был таким довольным.

- Я не ваша знакомая. Я вас не знаю, - сказала я заискивающим голосом. Зубы мои вслух выстукивали дробь.

Оба заржали. Им это доставляло такое удовольствие, какое только может доставить чужой страх трусам.

- Может, развлечёмся немного? – спросил Вадик напарника.

- Не-а, я не педофил. Меня на маленьких девочек не тянет. Вот если бы маленький мальчик, - и Бельмандо мерзко заржал.

- Так что отпустим её? – недоверчиво спросил его Сыч.

- А чё? Пусть идёт. Ей хватит. Как бы она воцпе не разучилась говорить, - заржал он опять.

- Ну чё, будем молчать? – спросил Вадик и больно схватил меня за плечо.

- Молчать, бояться, - заржал Бельмандо.

В закрытую дверь постучали. Вадик открыл дверь ногой. На пороге стоял Кеша с испуганными глазами.

- Тебе чего? - зарычал Вадик. Я испугалась за Кешу.

- Там в подвале горит, - прокричал Кеша, отбежав подальше от двери.

- А ну иди сюда, - сказал Вадик и выматерился.

- Да я говорю вам, там правда горит, - сказал Кеша и отбежал дальше.

Я выбежала из подсобки и отбежала в другую сторону.

- Пойди, глянь, - сказал Вадик Бельмандо, – чё ему врать, я же его урою сразу. Я - не ты.

Вадик нехотя пошёл в сторону подвала. Кеша сорвался в мою сторону, схватил меня за руку и потащил вверх. На этаже, возле лестницы, нас ждали Ирка с Валюхой. У обеих перепуганные лица. Внизу слышались чертыханья и маты. Кешка тоже выматерился. «Сильно поджёг. Ещё и правда сгорит дедик», - сказала Валюха и невесело усмехнулась. Навстречу неслась дежурная воспитатель.

- Там что-то случилось. Мы услышали шум, и вышли, - сказала ей Ирка.

- Быстро расходитесь, - приказала дежурная.

Мы разошлись по комнатам. Ирка со мной не разговаривала. Да я и сама переживала, что опять подставила Кешу. Походу, Кеша и меня «удочерил», как когда-то «усыновил» Пашку.

- Я унюхал дым и спустился вниз, - говорил директрисе Кеша.

- Что вы делали в подвале? – гипнотизировала она нас, как удав кроликов.

- Меня ..., - начала я, но Кеша перебил:

- Я спустился вниз, а девчонки вышли, когда услышали шум.

- Я в последний раз спрашиваю, что вы делали в подвале?

- Да мы не были в подвале. Он же закрыт, - глазом не моргнув, соврал Кеша. Он так искренне умел врать. Проблема в том, что Матильда не умела верить.

Нас на несколько дней лишили завтраков и ужина.

Ещё несколько дней перетиралось это событие в дедике. Кеша на эти дни стал национальным героем. Вот только Пашка не разделял общего мажора.

Дни бежали и одновременно медленно тянулись, как сон, в котором тебя догоняют.

- Пошли в субботу в «Бункер», - сказал мне как-то в школе Стас. Он так обыденно предложил, как будто я завсегдаю этого мажорного клуба.

- Не горю желанием оказаться в высшем обществе, но я согласна, - сказала я.

В общем, хорошо как!

Внутренний голос подсказывал, что мне, детдомовке, там ловить нечего, но сил отказаться от возможности побыть так долго в компании Стаса, тоже не было.

Шмотки для тусовки подогнала Сабринка. На лице я выделила только глаза декоративкой Нинкиной мамы. В общем, с миру по нитке.

На голове было по принципу: хорошо вымытые волосы – это уже причёска

Пройдя фейс-контроль, я ощутила давно забытое чувство драйва от музыки, шума, блеска, толпы.

Дресс-код этого помпезного мероприятия я не угадала.

Стаса на этой пати знали чуть менее, чем все девушки. То и дело, пока мы продвигались, раздавалось: «О! Стас, респект», «Стас! Красава!» Стас или бровью не вёл, или лениво кивал, не глядя. А подошёл он к двум девчонкам в брендовом прикиде. Познакомил нас. Яркую штучку звали Ани, а другую..., не помню. Между нами сразу, на уровне инстинкта – «свой-чужой», возникла неприязнь. Стас сделал вид, что не заметил этого. Пока они общались, я рассмотрела исподтишка девчонок. Знаю я этих красивых созданий. Но это никак не гламурное кисо, хотя их сильно роднили желание удовольствий для себя и зависть к чужим. Девочки из высшего общества, вип-детки местного разлива. Когда к Стасу подошёл знакомый, и Стас отвлёкся, Ани рассмотрела меня.

Знакомый оказался клубным человеком, заядлым тусовщиком. Он начал мне нахваливать местный ди-джеинг, умение здешнего Гошика миксовать музыку.

Стас сказал ему: «Не довязывайся, Маше нравятся романсы».

Знакомый посмотрел на меня уважительно. Я сделала вид, что увлечена рассматриванием танцующих. Если он начнёт расспрашивать меня о романсах, я прикинусь глухонемой.

Но у парня не было времени интересоваться другой музыкой, он был фанатом электронной, счастливым клаббером.

Я не сходила с танцпола. Умение танцевать – моя фишка.

Когда случилось, что мы вновь оказались все вместе, знакомый Стаса сказал мне:

- Маша, у тебя выражение лица принцессы на горошине.

- Спасибо, - поблагодарила я. А как ещё мне было отвечать?

- Когда о девушке нечего сказать, ей говорят комплименты, - сказала в сторону Ани.

- А есть такие девушки, которым и комплимент трудно сделать, - как могла, парировала я. В сторону.

Стас тут же увлёк меня в бар, но я отказалась от фирменного коктейля и прочее. Я с удовольствием съела три псевдофранцузских круассана, запив их минералкой.

В понедельник Ирка устроила мне разнос с пристрастием. Главная мысль её монолога звучала примерно так: зачем тебе этот смазливый мажор, когда есть нормальные пацаны?

- Я люблю его. Понимаешь, по-настоящему.

- Я понимаю, как тебе хочется вырваться из нашего кошмара.
- Нет, ты не так всё понимаешь.

Ирка молчала.

- Я просто первый раз по-настоящему полюбила. У меня здесь всё впервые по-настоящему, поэтому из этой жизни я ничего не отдам. Даже изолятор.
- Это потому, что наш дедик для тебя не на постоянку - у тебя была и ещё будет другая жизнь, - как-то грустно сказала Ира.

Иркины волосы отросли, и у неё была такая симпатичная светленькая головка, но такие худющие плечи.

Через время Стас опять пригласил меня в ночной клуб, но не в такой помпезный, как предыдущее заведение. Мы всю ночь танцевали, а утром поехали сразу в «Надежду», потому что Нинкина мама смогла договориться с Матильдой, отпустить меня в гости к ним только на субботу, так как в воскресенье нужно готовиться к занятиям в школе. Походу, я одна во всём дедике в воскресенье этим занимаюсь.

- Ни от кого не зависеть – главное моё желание, - говорил Стас, когда мы возвращались после ночной тусовки.

«Оригинал», - подумала я.

- Хочу жить, как хочу, - продолжал он. – И хочу делать, что хочу – это моя заява толпе.

«Ну да, заявить миру такое, куда как легче мальчикам богатеньким», - подумала я.

- Каждый делает то, что хочет.

- Это ты о ком? – я разозлилась. – Это - детский лепет сыночка, чей папа заработал много денег. Понял?

Стас надулся. И перестал меня приглашать. Да меня бы никто больше и не отпускал, но всё равно цапнуло.

Если бы люди очень захотели, у них бы получилось: не делать так часто больно друг другу.

Пашка избегал наших встреч. Кеша всем в дедике рассказал, что это Пашка Гринёву кинул, иначе мне такое бы устроили, что мало бы не показалось. Правда, всё равно детдомовские, особенно девчонки, на меня шкнили.

Я решила на откровенный разговор. Как быть, что сказать? Какими словами передать: кто для меня Пашка с Кешей, и как я люблю Стаса?

Некому даже ненужный, бесполезный совет мне дать. Не с кем поговорить, поэтому я имела привычку: вечером, укрывшись с головой, разговаривать сама с собой. Мне становилось легче. И я засыпала. Иногда текли слёзы. И я действительно по-настоящему выплакивалась, беззвучно и под одеялом.

«Посмотрю-ка на себя со стороны и подскажу себе, что делать», - обычно думала я.

Завтра решу, как и что сказать Пашке, - определила я для себя. – Поболтаю вечером сама с собой, а утром решу...

- Я тебе этого никогда не прощу, - прокричал мне тихо Пашка в коридоре и замахнулся, но не ударил. Как бы мы дальше жили, если бы это случилось?

- Оно, конечно, легче сказать, что я сволочь и дерьмо. Но ты должен понять, - сказала я.

Пашка стоял рядом, сжав кулаки опущенных рук.

- Я тебе этого никогда не прощу.

Я отвернулась к окну. Ум был пустым. За окном мягко светила луна. Деревья покрылись ночной изморозью и блестели под холодным светом. Пашка резко повернулся и пошёл по безлюдному ночному коридору.

- Ну да, легче поплакать над собой таким, всеми преданным, чем понять, - продолжала я диалог с Пашкой, которого не было рядом. – Ты из того мира, из которого я хочу исчезнуть. А он из того, в котором я жила и в который собираюсь вернуться. Я люблю другого парня, ты это можешь понять?

- У нас с тобой по жизни разные понятия, - мог сказать Пашка.

- Не-а, понятия у нас как раз одинаковые. Это у нас жизни разные. Твоя хуже – это правда, но ты-то не хуже. И не нужно мне навязывать всё то дерьмо, что вокруг нас.

- Давай завяжем разборки, съедим на базаре, - сказал бы, наверное, Пашка, если бы не бросил меня возле окна.

Но Пашка сказал: « Я тебе этого никогда не прощу».

Что- то в мире происходило не так. Возникла деформация. Мир рушился. Мой мир рушился. Как суметь быть сильной?

Мы, детдомовцы, панически боимся показаться слабыми.

Стас пересел ко мне. Однажды я пришла в класс, а он там уже сидит. Я ни о чём не спросила, а он ничего не сказал. Мы так и просидели с ним до конца учебного года за одной партой. Иногда все уроки болтали, когда было о чём поговорить, а иногда молчали, когда ни о чём не хотелось разговаривать. Мне как-то подумалось, что мы со Стасом - родственные души, а Сабринка считала, что он не может существовать без чьего-нибудь обожания. Вампир. Мне моя мысль больше нравилась.

Заканчивалась зима. Снег стал тёмным и ноздреватым. Днём натаивали лужицы, с вечера они замерзали, а утром лёд, как леденец на зубах, звонко хрустел под ногами.

Кеша исчез как-то тихо, незаметно.

Я узнала об этом только на следующий день и то после того, как меня спросила об этом Валюха. Она была уверена, что я знаю, где он. А когда поняла, что я даже и не заметила отсутствия Кеша, в её глазах было столько недоумения. А я просто, несмотря ни на что, не привыкла настораживаться и ожидать беды по любому поводу.

Я тут же принялась искать Пашку, уверенная, что он рассеет появившееся беспокойство. Пашка был так встревожен, что еле разговаривал.

- Я не знаю, где Кеша, - сказал он, а глаза у него были тяжёлые и остановившиеся.

- А его нет у вашей стюардессы?

- У кого? – искренне не понял Пашка, он как бы силился что-то вспомнить. – А, и ты про стюардессу знаешь?

- Да про неё все знают.

- Да нет никакой стюардессы, - сказал Пашка. Он усмехнулся. – Это легенда. Кеша придумал.

- А где же он прошлый раз прятался? – удивилась я.

- У деда, - сказал Пашка. Он помолчал. – Дед в деревне живёт.

- А сейчас его там нет. Да?

- Нет. Дед сегодня друзей подключил. Ищут.

Кешу нашли вечером в подвале старой пятиэтажки, на окраине города. Он был сильно избит. «Бичи напали: не нужно лазить, где попало», - сказала нам Репа. Кешу нашли в «плохом» районе.

Пашки не было весь день, а в конце дня мы пошли с ним в больницу.

Я боялась увидеть Кешу.

- Ты это... не ходи, - сказал мне Пашка. – Здесь посиди, - указал он на скамейку возле больничного крыльца.

- А как я это Кеше объясню?

- Он без сознания. Он не понимает ничего.

Я заревела.

Пашка ушёл. Его долго не было. Мне стало страшно. Я встала и пошла на автобусную остановку. Села в «тринадцатый». Когда я вошла во двор, уже темнело. Села на лавочку возле песочницы.

Был тёплый вечер. Из открытых окон слышались голоса, на кухнях звякала посуда, работали телевизоры

В доме, напротив, из глубины отчётливо прозвучал вопрос: «Ты что картошку разварил?» - женским голосом. В стороне, на балконе, другой женский голос требовал: «Вадим, сразу же позвони. Ты меня слышишь? Как только приедешь – позвони!»

Рядом была чужая жизнь.

У меня было одно желание – никогда больше не возвращаться в «Надежду».

Кеша умер ночью. В детский дом позвонили утром. Нас никого к нему не пустили.

«Не реви, - сказал мне Пашка. - Я свожу тебя к его могиле». Кешку забрал дед, ему не сразу разрешили это сделать, но он подключил своих друзей, и ему отдали Кешу. Дед похоронил его на сельском кладбище. На небольшом памятнике под фотографией трёхлетнего ребёнка (фотографии взрослого Кеша не нашлось) было написано: «Вячеслав Федулов» и указаны даты рождения и смерти. В дате рождения только год, без числа. Но всё равно легко можно посчитать, что жил на этом свете Славка всего-то шестнадцать лет.

Пашка всю неделю водил ребят из класса и детдомовцев на могилу к Кеше Федулову.

А через две недели в «Надежде» произошло ещё одно событие: исчез охранник Сыч, а чуть позже рыбаки нашли его в камышах сильно заболоченного озера под местным названием Вонючка, недалеко от деревушки, где жил Кешин дед, и на кладбище которого похоронен Славка Федулов. Говорили, наш охранник утонул по пьяни, но что его занесло в ту глухомань не понятно.

В последний путь, как говорится, Сыча родной коллектив провожал полным составом.

Жизнь продолжала идти своим чередом. Наступила весна. В городе убрали зимний мусор.

Запах оттаявшей земли и молодой зелени тревожил и будоражил.

Заканчивался учебный год. Отопление в школе ещё не отключили, а за окном дни стояли уже по-летнему тёплые. Мы изнывали от жары. Сидеть на уроках стало невыносимо, а уж вникать и запоминать то, что тебе и в жизни-то никогда не пригодится, тем более. Поэтому, придумав зубную боль, отпросилась со второго урока и поехала на тридцать первый район. В «моём» дворе на скамье под деревьями сидели женщины, а возле песочницы три мамашки выгуливали деток, расположившись с пивасиком и чипсами на лавочке. Я села

возле соседнего дома. За моей спиной, под окнами, расположились аккуратненькие грядочки. Среди них - яркий лоскут цветущих тюльпанов и ещё каких-то голубеньких первоцветов. Из подъезда вышла женщина с выражением светлой печали на лице и маленькими грабельками в руках. Она, молча, не взглянув на меня, пошла к цветнику.

- Это ваши цветы? – спросила я, желая устранить неловкость от необходимости делать вид, что я тоже не заметила грустной женщины.

- Нет. Божьи, - не меня выражения лица, ответила мне женщина, и тут же пояснила: -
Всё на свете - божье.

- Ну да, конечно. А ухаживаете вы за ними?

Женщина тихо улыбнулась, что обозначало утверждение.

- Я люблю ромашки. Крупные, особенно, - сказала я.

- У меня, волей божьей, много ромашек.

- Да?! – деланно обрадовалась я, а про себя подумала: «Так всё-таки у меня».

- Ко мне часто приходят за отростками. Я раздаю. Мне для людей ничего не жалко.

«Какими всё-таки чванливыми делаются люди в своей уверенности, что им открылась правда жизни. Это им, таким особенным, дано познать истинную истину. Вот только у мачехино брата она одна, а у этой сестры божьей – другая. А не пошли бы вы все лесом», - думала я, сидя на скамейке. Рядом тихо рыхлила цветочки одинокая в своей избранности женщина.

Через время возле нас появился, катя перед собою пустую тачку, дворник-таджик или узбек.

Он поставил тачку посреди дороги и принялся подметать, перед этим несколько раз мельком глянул в нашу сторону. Я кивнула ему. Он охотно поздоровался: всё-таки людям нормальнее замечать друг друга.

Когда дворник отошёл, подметая, от своей тачки, на дороге появилась крутая чёрная машина. «Сейчас, сейчас уберу», - замахал руками таджик или узбек.

Из машины вышел парень небольшого роста, подошёл к тачке, поднял её над головой и с силой отшвырнул, хотя хозяин этой злополучной тележки уже стоял рядом.

Это точно не по правилам. Во всяком случае, по каким-то стрёмным правилам.

«За чей счёт, ты пацан, такой крутой?» - крикнула я, но машина уже отъехала. Дворник поднял тачку и покатил её в другой двор, не оглядываясь.

Даю палец на отсечение, детство или даже юность этого парня не были безоблачными. Быть может в этом дворе или в соседнем его гнобили и унижали. А вот теперь он купил навороченную машину и разъезжает в ней, кровотока ранами детства. Обычно таким, чтобы чувствовать себя на высоте, нужно опускать других.

Знаешь, Терминатор, тебе нужно было тогда, в детстве, вытерев кровь и сопли, бить в нос одноклассников, а не сейчас швырять тачки. Хотя, кто бы спорил, швырять оно, конечно, легче. Но ведь есть же пацаны, которые выбирали первое.

Почему одни люди знают, как жить правильно, а другие только думают, что знают?

А правила для жизни, они как, общие или для дворников одни, а для тех, кто на крутой машине, - другие?

Лола объявилась очень уж кстати.

Меня неожиданно позвали к телефону, второй раз за время моего пребывания в детском доме.

- Здравствуй, Машуня, это я, Лола, - сказал в трубке незнакомый женский голос.

- Здравствуйте, - сказала я. Ещё хотела сказать: «Вы ошиблись», но боялась, что голос положит трубку и исчезнет навсегда. Чужой не сказал бы мне «Машуня», и ещё - так меня называл папа.

- Ты что молчишь?

- Вы кто? – спросила я и замерла от страха, что вдруг ошиблись и Машуня – это не я.

- Машенька, это я, Лола, твоя тётя.

Да, у меня была где-то тётя Лариса, но эта - Лола.

- Тётя Лариса? - сказала я и прошла целая вечность, пока я не услышала вновь этот голос. Она нашлась. Она меня нашла. Она приехала за мной в конце учебного года с адвокатом Петюней, пухленьким коротышкой, и какими-то нужными бумагами.

Её было много. Таковую, что говорится, издалека видно. Смуглое лицо, карие глаза, которые при разговоре то сужались, то делались большими и круглыми. Она легко и охотно улыбалась, показывая зубы, красивые, как у молодой цыганской лошади. Смеялась громко, забросив немного голову назад. Всё в ней было живое и подвижное.

«От осины не родятся апельсины», - любимое высказывание нашей крысы-директрисы. И этим всё объясняется. Против природы не попрёшь: против лома нет приёма. Но есть деньги. В пух и прах раздетую Лолу наша Матильда встречала радостно. Она от всей души радовалась, что у такой хорошей девочки, как я, нашлись родственники.

Матильда растягивала губы в улыбке, холодной и равнодушной. Ну, просто мёд и пряник. До чего же быстро она изменилась. До чего же быстро она менялась.

«Не подстраивайся ни под кого, Машка. Ты лучше многих. И пусть люди, среди которых ты будешь жить в своей новой жизни, будут наконец-то такими, какими тебе хочется себя окружить», - вот такие классные слова сказала мне Сабринка на прощанье.

Нинкина мама зачем-то напекла огромный пакет пирожков. Как она сказала: «В дорогу».

Ирка молча плакала. Не всхлипывала, не вытирала слёзы, и они текли по щекам тоненькими ручейками.

В детском доме мне так завидовали, что мне было стыдно за своё везение.

Пашка передал мне через Ирку пожелание удачи.

А я и верила, что у меня ещё будет удача.

Я бродила по городу, поехала на тридцать первый, посидела во дворе. И всё время думала, что уже завтра уеду навсегда отсюда, и всё это – детский дом, школа, ребята, и вот этот двор – перестанет быть моей жизнью. Всё это произошло со мной в этом году. Так судьба определила. Это моё испытание, проверка меня жизнью: стоящий я человек или так, труха. Не могу этого объяснить, но я знаю, что обязательно буду счастливой в следующей своей жизни. Я просто верю, что будет нормально, и всё. Шестое чувство.

Вспоминала этот год, и мне казалось, будто это не на самом деле произошло, а в какой-то параллельной жизни.

Моя судьба - все эти события, а если взять да изменить хоть какое-то одно, то изменится и сама судьба? А человеку под силу самому что-то в своей жизни изменить или он живёт, как ему определено?

«Судьба так распорядилась», - говорила Ирка, когда рассказывала мне историю своего сиротства. Иркина судьба распорядилась так, что мама умерла, родив её и брата. Безымянный братик умер там же. Под системой и кислородом. За Ирккой же в роддом никто так и не пришёл.

Наступит время, когда я однажды приду и заберу какого-нибудь пацанёнка, которому судьбой уготовано умереть под системой и кислородом или прожить в дедике. И будут у этого человека и дом, и мама, а не написанное на роду сиротство. Ведь судьба – это цепь событий и, если изменить одно звено в ней, то вся она изменится. И я уверена: каждому дано право личного выбора, и каждому под силу делать свою жизнь. Не путать с «делаю, что захочу».

Когда я сказала Лоле, что она разорвала цепь моей судьбы, Лола всплакнула.

- Будешь умничать – нагадаю тебе короткую жизнь, - сказала Лола и засмеялась громко и заразительно, как она могла.

- Муж – ещё тот геморрой, особенно богатый, - жаловалась мне Лола дорогой.

А меня мучил вопрос: «Муж – это тот цыган, с которым она в молодости убежала?»

- А ещё сын объявился, - продолжала она.

- Из табора?

- Из леса. Где-то мой благоверный когда-то что-то отбивал, вот там сын и родился, а теперь приехал к нам. В университет поступать.

- Ну, ни фиги! – сочувствовала я Лоле.

- По мне бы лучше он в какую-нибудь Англию уехал. С глаз долой – из сердца вон.

Есть ли у Лолы свои дети, я стеснялась спросить, почему-то мне казалось, что, если бы были, она бы уже не раз про них сказала.

И ещё Лола сказала, что они с Петюней соберут информацию и займутся братом мачехи, и тогда посмотрим: кто в теремочке живёт.

Мужем Лолы оказался молчаливый, слегка лысоватый Павел Леонидович. Дядька мне сразу понравился. И звали его как моего папу.

- Сын Леонид, - с гордостью представил он мне чернявого юношу, совершенно на него не похожего. – Племянница Маша, - представил меня сыну.

Пришла в голову мысль: может, ему и Леонид такой же сын, как я племянница.

После праздничного обеда в честь нашего с Лолой приезда я вышла на террасу, там, в плетёном кресле-качалке, сидел сын Павла Леонидовича.

«Как пенсионер», - подумала я.

Сын без всякого смущения принялся осматривать меня, что говорится, с головы до ног. Я вела себя, как учил когда-то Пашка, так, как будто ничего не происходит.

- Откуда тебя Лола выцарапала? – наконец-то спросил он, и мне послышалась насмешка. – Где ты всё это время была?

Я решила быть честной.

- В параллельном мире, где взрослые ведут войну с детьми, и я выжила, - сказала я.

- Ты гонишь? А-а, ты обкурилась!

- Да. Пойду-ка, ещё выкурю косячок.

Помолчали.

- А ты откуда? – спросила я, отдавая дань вежливости.

- Место, где мы живём с мамой – настоящий раскольничий скит, - принялся рассказывать Леонид.

Что такое скит я не знала, но кто такой Раскольников – помнила.

- И ты приехал сюда мочить старушку?

Сын посмотрел на меня пристально и медленно сказал:

- Я понял: ты юродивая. Сковырнутая какая-то.

Дом у Лолы и Павла Леонидовича был большим. Лола старалась сделать его уютным и таким же ярким, как она сама. Натуральным.

- У меня всё натуральное. Я не планирую удерживать мужа только фасадом, - говорила Лола

- А одного только ума хватит? – поддерживала я разговор.

- На мужа хватит, а других мужиков мне и не надо.

Но другие мужики явно интересовались Лолой: потирал пухлые ручки адвокат Петюня, а садовник дядя Толя вообще замирал замороженный, когда она появлялась рядом.

Лола пыталась и меня познакомить с сыном своей подруги или на худой конец с пухленьким сыночком Петюни. И страшно удивлялась просьбам, оставить меня как есть, и искренне считала ненормальным, когда молодая девчонка не хочет нравиться и кружить головы парням.

Мне нравилось просыпаться здесь рано утром. Сидела на балконе, слушала птиц. В доме, в это время, все ещё спали, так что завтракала я в одиночестве.

В конце лета Лола собралась на курорт.

Лола уезжала «привести в порядок нервы» в Куршавель. «Повадили хапуг, - говорила она о французах, - а что делать, не в Сочах же отдыхать?»

Мне же наказала следить за сыном.

- Он что маленький, чтоб за ним следить? – удивилась я.

- Да чтоб ничего не спёр.

Вот бы слышал её Павел Леонидович.

Следить за кем-то, даже если он Леонид, - позорно. Поэтому мы жили каждый сам по себе. Леонид ночами где-то пропадал, спал до обеда, а затем сидел у себя в комнате. «Читает», - уважительным шёпотом сказал мне его отец. Сам же Павел Леонидович заскучал сразу же после отъезда Лолы: вечерами грустно кимарил перед телевизором. Как-то я подкралась к комнате его сына, посмотреть, чем тот занимается. И лучше бы этого не делала: Леонид смотрел порнушку, обложившись банками пива, как когда-то Бельмандо в «Надежде».

Как там сейчас наши в дедике?

Я каждый день вспоминала их всех, мою семью за номером восемь. Я скучала по ним.

Интересно, какие в этом году старшаки будут? Пашка устроился работать на станцию техобслуживания. Он хорошо шарил в машинах, и ему нравилось. Вот откуда только он это умел и знал? В дедике, насколько помню, крепких пацанов, как он, только качали и обучали боевым приёмам, а больше ни чему. Пашка жил сам в однокомнатной квартире. Не зря Кеша говорил про него: «Рыжие они хитрые».

Со Стасом мы уже несколько дней не общались. И вдруг как обожгло: со Стасом что-то случилось. И нелепая мысль: «Я ему сейчас нужна», - это я чётко почувствовала. Я места не находила от этой мысли. Тут же принялась звонить Сабринке с Нинкой. Девчонки ничего не знали. Близких друзей у Стаса в классе не было, и я набрала Нику. Ника взяла телефон и тут же ошарашила: у Стаса погиб отец.

- В автомобильной аварии? – ужаснулась я схожести наших судеб.

- Нет, - сказала она. – Его убили в собственной машине.

Отца убили, а его жена срочно уехала. Оказывается, мама Стаса жила не в их городе, и у неё был другой муж. И даже другие дети. Стас где-то прятался, так как дома ему жить опасно. Но скрыться в небольшом городе проблемно, а документы и деньги странным образом исчезли.

- Парень серьёзно влип, - почему-то пьяным голосом сказала Ника, и я положила трубку.

«А ведь ему даже помочь некому. Нужно ехать, а когда - решу завтра», - подумала я, а «завтра» наступило уже утром.

Ужинали молча. Павел Леонидович в тот вечер был не в настроении, о чём-то хмурился и даже шептал себе под нос.

Леонид развлекался: показывал мне всякие неприличные жесты, а затем тихо смеялся. Потянулся за хлебом и, как бы невзначай, задел мою грудь.

- Я узнала одну тайну, - сказала я шёпотом, косясь на Павла Леонидовича.

- Поделись.

- В твоём мире уже не осталось детей - взрослые победили.

Леонид покрутил пальцем у виска.

После ужина Павел Леонидович сказал, что у него через пару часов самолёт – он улетал в Москву.

- Маша, - постучал ко мне поздно вечером Леонид и, войдя, доверительно спросил:

- Скучаешь?

- Нет. Мне не бывает скучно.

- Везёт.

Помолчали. Я продолжала наклеивать стражики на рукава своей блузки.

- Приходи, пообщаемся.

Я сразу разгадала истинную причину таких перемен.

- Включи порнушку – развеселись, - предложила я ему, не прекращая своё занятие.

- Мерзкая debilка, - сказал Леонид и уставился на меня в упор. Его взгляд сделался колючим и злым.

«Как бы мне выманить его из комнаты, - подумала я. – И почему сразу не закрылась?» Но позднiак метаться, что есть, то уже есть.

Леонид не спеша повернулся к двери, и я на секунду обрадовалась, что дело этим и закончится. Щёлкнул замок – этот урод закрыл дверь моей комнаты.

Я нащупала в кармане Пашкину ручку, ношу с собой на всякий случай. И, кажется, это как раз тот самый случай. На войне, как на войне.

Он стал подходить не торопясь, растягивая тонко губы. Я была уверена, что вот-вот между ними должен мелькнуть раздвоенный змеиный язычок

- У тебя изо рта воняет, как из унитаза, - сказала я, когда он подошёл вплотную. Леонид грязно выругался, детдомовский завхоз матерился проще, и схватил меня одной рукой за шею, а другой потянулся к лицу. Я хотела ударить его в руку, но они были возле моего лица, и я ударила его в ногу, чуть выше колена. Он взвыл. И я бы на его месте так же вопела.

Я выбежала из комнаты. Кинулась вниз, там нашла в шкафу запасной ключ, взяла его тоже. И, замкнув дом, положила оба ключа под дверь. Хорошо, что на мне были мачехин браслет и колечко, подаренное Лолой. За дверью приближались проклятия и угрозы. Ещё бы!

И опять никто на свете не мог мне помочь. Тяжёлое чувство одиночества.

Спустя два часа я продала браслетик, мягко говоря, недорого. Утром села в поезд.

Приехала и растерялась: что же делать дальше? У кого узнать, где Стас?

Первым делом встретилась с Иркой, а с ней отправились к Пашке на работу.

Пашка сильно изменился: повзрослел, шире стал в плечах, в движениях появилась сдержанная уверенность, а главное – взгляд стал спокойнее, мягче.

К нему пошли через магазин: Пашка набрал всякого вкусного хавчика. У Пашки было всего два стула, гостей он к себе не приглашал, поэтому мы расстелили посередине комнаты на ковре плед, разложили подушки и до вечера проболтали, валяясь на полу.

Пашка много рассказывал о Кешином деде, который вовсе и не дед ему, то есть не родной.

Этот человек когда-то спас Кешу, а сейчас помог Пашке. Это он потихоньку учил Кешу и Пашку ремонтировать машины.

В своё время дед был военным, но уже сто лет жил отшельником в этой деревушке. Почему здесь? - ответил Пашке: «Красиво».

И ещё он сказал: «Не плыви по течению». И Пашка всё понял: рыжие они понятливые.

Я всё это время думала, как мне найти и помочь Стасу.

- Знаешь, Сыч не сам утонул, - сказал Пашка, когда мы, отправив Ирку в дедик, остались одни.

- Знаю. Догадалась.

Помолчали.

- Страшно было?

- Нет. Я его так ненавидел. Плохо стало позднее.

Помолчали.

- Маш, ты зачем приехала? – спросил Пашка.

- У Стаса убили отца, - не сразу сказала я. – Ему тоже угрожают. На него свалилось столько, что самому не раскидать.

- Тебе нужна моя помощь?

Я приехала за этим, но сейчас представила, как подставлю Пашку. Пашку, у которого вообще никогда не было никакого отца.

- Да. Мне нужно где-то пожить несколько дней.

- И всё?

Я кивнула.

- Маш, что от меня нужно?

- Ничего, - я была уже уверена на все сто, что не имею права втягивать Пашку в эту историю. «Каждый баран висит за свою ногу», - так говорил один казах, с которым папа в Горно-Алтайске.

- Стас уже обратился к приятелям отца, - соврала я и подумала: «А почему бы и правда ему не найти каких-то знакомых. Его отец явно не чурался ни толпы, ни братства по крови...»

Нелепое враньё.

И я уже знала, к кому обращусь за помощью.

Утром села в автобус и поехала на тридцать первый район. Была суббота – выходной день. Во дворе гуляли дети. В беседке всё тот же Валера, всё с той же широкой талией и своей тяжёлой попой. Вот только девчонки, кажется, другие или просто те подросли. Перед окнами полыхали цветники. На одной лавочке сидели пожилые женщины, на другой, среди кустов сирени, - взрослые парни. Я села на лавочку под клёном. Парни смеялись, один, худой и вертлявый, рассказывал, как они вчера побили «шанхайских». Явно преувеличивал и бахвалился. Двое парней встали и пересели на соседнюю лавочку. Я подошла к шумной компании.

- Здравствуйте, - сказала я.

Все посмотрели на меня, и только вертлявый продолжал рассказывать, как он «влупил» одному баклану...

- Ребята, а где Михаил из шестнадцатой? – спросила я и добавила: - Москов.

Все молча, я бы сказала, даже растерянно, смотрели на меня.

- А что случилось? - наконец-то спросил один из них, худенький паренёк в очках от солнца, хотя солнце точно ещё не слепило.

- Он мне срочно нужен.

- А у девушки проблемы, - переключился на меня дёрганный и тощий. – У вас, что будет от него ребёнок? – кривлялся он.

- Заткнись, - сказал один из парней, и вихлястый заткнулся на полуслове. Парень повернулся к ребятам, отсевшим на другую лавочку.

- Генка, здесь девочка Москву спрашивает, - прокричал он им.

Двое посмотрели на меня; я стояла, как сирота на паперти. Михаил Москов был моей последней надеждой на чью-либо помощь.

Один из парней встал и отошёл, другой остался сидеть и махнул мне рукой, подзывая. Я подошла.

- Садись, - указал парень на место рядом с собой. Я села. Парень показался удивительно знакомым.

- Ну, что влетело тебе тогда за побег? - спросил он, слегка улыбаясь глазами.

- Ты? – обрадовалась я. Вот теперь я знаю, как его зовут.

- Что случилось? – спросил он.

- Меня зовут Маша Гринёва, - сказала я.

- И что случилось, Маша Гринёва? – опять спросил он.

- Мне Михаил говорил обращаться к нему, если что. И вот сейчас у меня «если что».

Генка помолчал.

- Понимаешь, Михи нет, - сказал он. И только я хотела спросить: где он, как парень добавил: - Москва погиб.

- Как погиб?

Я не могла представить, что такого жизнерада, такого классного парня просто уже нет в живых.

- Какие-то обкуренные мажоры сбили его на машине.

- Их наказали?

- Ищут, а найдут – обязательно накажут.

«Мама курочку накажет, мама курочку набьёт», - вспомнила я неожиданно стихотворение откуда-то из детства. В детстве оно всё понятнее и справедливее, в нормальном, конечно, детстве, но «куда уходит детство?» Во! меня сегодня на стишки прибило.

И я разревелась. Прорвало. Я всхлипывала, из носа текло. Генка завернул подол своей футболки и, как маленькой, вытер мне ею нос.

- Ну, давай, рассказывай, что стряслось.

Я, всхлипывая, всё ему рассказала.

- Посиди здесь, - сказал Генка и отошёл к парням. Они, что-то там обсуждали.

- Мы тут с ребятами перетёрли, - сказал он, вновь присев возле меня. - В общем, давай координаты этого Ромео.

- Его зовут Стас Понамарёв, – сказала я и дала все, какие знала, координаты.

- Ты сюда не приходи пока. Мы сами с тобой свяжемся. Телефон у тебя есть?

Я кивнула, затем сняла с пальца колечко и протянула его Генке. Генка взял, повертел и вернул мне его обратно.

- Не дешёвое. Где взяла?

- Лола подарила. Тетя моя, - сказала я и покраснела от мысли, что он мог подумать, будто я украла кольцо.

Ребята нашли Стаса и перевезли его в безопасное место. Обо всём этом мне Генка позвонил через день. И я опять ревела, от счастья.

«Посижу немного в этой халабуде, понаблюдаю. Может, через неделю съеду отсюда», - говорил Стас, когда Генка привёз меня на старенькую запущенную дачу, где уже несколько дней переждал ситуацию Стас. Но съехал он раньше. Ребята с «моего» двора нашли некого Цыгана, а он каким-то образом разрулил ситуацию Стаса.

Эта история, слава Богу, закончилось хэппи-эндом. А мне ещё предстояло вернуться к Лоле, через день.

Когда я проснулась, Пашка уже был на кухне. Готовил завтрак: нарезал овощи, отварил сосиски. Тонкие ломтики хлеба аккуратно лежали на тарелочке с голубой каёмочкой.

- Привет, - сказала я и уселась за стол. Сквозь лёгкие занавески слепило глаза солнечное утро.

- Пересядь, - сказал Пашка и указал на второй стул.

- Не-а, - сказала я и поставила ногу на стул, подтянув её к подбородку. – Ты любишь готовить?

- Нет. Я просто люблю быть дома. Вообще, когда...

- Да поняла, - перебила я его объяснения.

Спустя полчаса я была перед дверью квартиры Стаса и стучала условным стуком.

Через некоторое время дверь открылась.

- Привет.

Стас меня не ждал. Я это увидела по его лицу. Для него мой визит не стал приятной неожиданностью.

- Привет, - ответила я, входя. Сняла обувь, повесила куртку и пошла на кухню.

На кухне, держа двумя руками большую чайную чашку, сидела Аня и пила кофе. Пахло кофе. Сквозь задвинутые шторы пробивалось солнце и зайчиком скользило по столу, по лицу и рукам девушки.

- Это Аня, - сказал Стас и почему-то добавил: Пермякова.

- Знакомы, - лениво сказала Аня Пермякова.

Я села на второй стул и подтянула ногу к подбородку.

- Опустит ноги, - сказал Стас. Он стоял возле нас, так как на кухне было только два стула. Гостей Стас тоже не любил.

- Ну, ты совсем как мой папа, - ответила я. – Извините за дурные манеры. Я из детдома, - сказала я Ане.

А себе говорила: «Не заводись! Не будь дурой. Не позорься, Машка».

Аня допила кофе и вышла из кухни. Шла она красиво, гордо держа голову на длинной шее. И ноги у неё тоже были длинные и красивые. Она была загорелая, мягкая, нежная, тёплая. «Гламурная Киса», - вспомнила я Лерку. А ведь Ника меня предупреждала, - каюсь я задним числом.

•Я завтра рано утром уезжаю, - сказала я Стасу.

Он сел на освободившийся стул. Налил мне и себе кофе.

- Я отвезу тебя на вокзал.

- Не-е, меня Пашка проводит. Я пришла проститься. Прощай.

Мы спустились со Стасом во двор. Обнялись. И он, совсем как когда-то Наташа, протянул аккуратный конверт. «Возьми, пригодятся»,- сказал Стас, избегая смотреть мне в глаза. Я сделала вид, что не заметила.

Когда шла на автобусную остановку, он так и стоял у меня перед глазами: высокий, загорелый, с белым конвертиком в протянутой руке.

«До свиданья. Прощайте, красивые люди», - подумала я в автобусе.
«Что?» – спросила сидящая рядом женщина. Оказывается, думала я вслух.

Я ещё долго бродила по улицам, каталась на аттракционах в городском парке, а вечером села в тринадцатый автобус и доехала до конечной остановки.

Во дворе устроилась на лавочке возле песочницы и вызвонила Генку.

Генка появился через пару минут.

- Ну, как там твой Ромео? Жив?

- Жив.

Помолчали.

- Спасибо тебе, Генка.

Помолчали.

- Мудак он, твой Ромео.

- Да нет. Он нормальный. Просто сказки о Золушке не случилось. Вернее, это я не вписалась в контекст.

Я неожиданно заплакала. И что я всегда перед ним реву? Генка обнял меня за плечи и притянул к себе

– Ну, какая из тебя, Машка, на хрен Золушка? Ты стойкий оловянный солдатик.

Мы сидим, обнявшись. Вечер совсем загустел. Двор постепенно затихает.

Завтра будет новый день, и как его жить – жизнь подскажет. А пока мы сидим на старой дворовой лавочке, а в домах вокруг зажигаются огни.